

КОСТРОМСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНАЯ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ВЫПУСК III

КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ВЫПУСК III

(под редакцией кандидата
исторических наук В. С. Соболева)

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1983

26.891
К 78

К78 Краеведческие записки/Костромской объединенный историко-архитектурный музей-заповедник; Под ред. В. С. Соболева. Вып. 3 — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. — 64 с.

26.891

Краеведение — это комплекс научных дисциплин, различных по содержанию и методам исследования, ведущих в своей совокупности к научному, всестороннему познанию края.

Этим определением краеведения и руководствовались авторы статей, вошедших в настоящие «Краеведческие записки», подготовленные Костромским музеем-заповедником. В статьи по истории революционного движения и советского строительства в крае, по истории дореволюционного прошлого, по этнографии края и по опыту музейной работы впервые введены материалы из архивных и музейных фондов. В них впервые обобщен опыт научных экспедиций, проведенных сотрудниками музея-заповедника. Ряд проблем костромского краеведения освещен по-новому, с должной научной основательностью.

Костромской музей-заповедник третий раз издает «Краеведческие записки». Есть основания надеяться, что они окажутся полезными для учителей, лекторов и краеведов, для музейных работников и архивистов.

Костромская земля богата героическими, революционными и трудовыми традициями. Их необходимо глубоко, всесторонне изучать, пропагандировать и через краеведческую работу как одну из форм воспитания советского патриотизма.

В. Соболев

К концу 1905 г. революция в России вступила в высший этап своего развития. Всероссийская Октябрьская политическая стачка подвела пролетариат к декабрьскому вооруженному восстанию. В октябре—декабре 1905 г. нарастающую революционную борьбу в Костроме возглавили большевики.

К осени 1905 г. в Кострому прибыл ряд крупных партийных работников: А. М. Стопани, М. С. Кедров, С. В. Малышев. Вместе с революционерами, работавшими в Костроме, они возглавили партийную и революционную работу. Большевик-ленинец, делегат II съезда РСДРП А. М. Стопани был председателем Костромского комитета РСДРП; профессиональный революционер М. С. Кедров занимался формированием, вооружением и обучением боевой рабочей дружины; С. В. Малышев стал председателем Костромского Совета рабочих депутатов.

Обвинительное заключение по делу Костромского комитета РСДРП гласило, что в октябре—декабре 1905 г. «проявлял усиленную деятельность и Костромской комитет Российской социал-демократической рабочей партии: были организованы среди рабочих кружки пропаганды, образованы районный, заводской комитет и подкомитеты, часто устраивались митинги, охранявшиеся организованной для того боевой дружиной, издавались в большом количестве прокламации, которые и распространялись среди местных рабочих.»¹

Работа по организации Совета в Костроме находилась в центре революционной деятельности большевиков. По их инициативе и под их непосредственным руководством 16 и 17 ноября проводились выборы в Совет по промышленным предприятиям. На фабрике Зотовых «агитатор от Костромского комитета РСДРП предложил главному мастеру остановить работы. Мастер согласился. В течение часа были выбраны депутаты. На самой фабрике состоялся митинг, где оратор подробно выяснил задачи Советов»². В тот же день завершились выборами депутатов митинги и на

¹ Гос. архив Костромской обл. (ГАКО), ф. 120, оп. 2, д. 3, л. 285.

² Известия Советов рабочих депутатов г. Костромы. № 2 от 19 ноября 1905 г. В кн.: 1905 год в Костроме. 1926, с. 112—113.

фабрике Кашина. Но на фабрике Михина, когда большевик С. В. Малышев потребовал выборов, директор Моргунов заявил: «Нам не нужно выборов, наши рабочие не хотят выбирать». — «А это мы посмотрим, спросим самих рабочих», — ответил С. В. Малышев, направился в фабричные корпуса и организовал выборы в Совет¹.

К 20 ноября 1905 г. в Совет было избрано 135 депутатов. Список их² свидетельствует не только о представительстве фабрик, об участии в Совете женщины, но и дает основание утверждать, что Костромской Совет шел за большевиками. В нем работали А. М. Стопани, С. В. Малышев (председатель Совета), большевики П. Н. Караваев и Н. Н. Соколов (секретари Совета). Именно на них указывал начальник Костромского ГЖУ в донесении департаменту полиции 12 апреля 1906 г.³.

Пользовались большим авторитетом в массах депутаты-рабочие Т. С. Вилонов (фабрика Зотовых), И. А. Набегин и П. С. Соловьев (фабрика Кашина), большевики А. А. Симановский и Г. П. Федосеев: все они избирались и в июльский и в ноябрьский состав Совета.

По сообщению печати, уже на первом заседании 20 ноября «Представительство в Совете и Исполнительной комиссии представителей комитета РСДРП было решено единогласно»⁴. Большевики направляли деятельность Совета и после выборов. 20—21 ноября они организовали многотысячные митинги в фабричном районе. Во время митингов «...одни из ораторов социал-демократов знакомил слушателей с задачами и значением вновь организованного местного Совета рабочих депутатов, указывая на важность Совета, как собственного правительства рабочих». В выступлениях ораторов особо отмечалась «...важность для Совета руководства партией передового пролетариата в лице РСДРП». На митингах разъяснялась неизбежность и близость вооруженного восстания против самодержавия⁵.

Большевики разрабатывали и «Устав Совета Рабочих депутатов города Костромы», структуру Совета⁶. Через Совет они руководили деятельностью боевой рабочей дружины.

Совет был связан с массами рабочих через депутатов, через газету «Известия» (первый номер вышел 16 ноября 1905 г.), на его заседаниях всегда присутствовали представители рабочих коллективов. Заседания Совета проходили в переполненном зале

¹ 1905 год в Костроме, с. 54—55.

² Заре навстречу. Костромской Совет в 1905 г. Ярославль, 1977, с. 201—206.

³ ЦГАОР, ф. 102,00, 1905 г., оп. 233, д. 1800, ч. 31, л. 20.

⁴ Костромской листок, 25 ноября 1905 г.

⁵ 1905 год в Костроме, с. 114—115.

⁶ Вышний подъем революции 1905—1907 гг. Сб. док., ч. II, М. 1957, с. 71—72.

Народного дома, а также в «сборной» казарме фабрики Кашнина. В резолюции, принятой на митинге текстильщиков 16 декабря 1905 г., говорилось: «Никакого особого права проверять полномочия наших депутатов мы не даем капиталистам». И далее: «Совет — это учреждение, где мы спеемся и организуемся для беспощадной борьбы с фабрикантами и правительством»¹.

Авторитет и сила Совета возрастали. Совет добивался от фабрикантов как восстановления неправильно уволенных рабочих, так и увольнения представителей администрации, скомпрометировавших себя.

Связи с Советом устанавливали возникшие в это время профсоюзы. Делегата в Совет направил союз типографщиков. Общее собрание почтово-телеграфных служащих, состоявшееся 18 ноября, записало в резолюции: «Собрание приветствует образование в Костроме Совета рабочих депутатов и делегирует в него своего представителя. Цель этого представительства — быть всегда в курсе настроения рабочего класса и чтобы по возможности приурочивать свои выступления на борьбу к общим выступлениям пролетариата»².

С. В. Малышев отмечал, что в Совет со своими нуждами обращались крестьяне ближайших к Костроме деревень³.

Активно действовала исполнительная комиссия Совета, которая 24 ноября в специальном воззвании к рабочим заводов Прянишникова, Малкова, Толстопятова, Царевского, мельниц Чумакова и Аристова предлагала направить своих представителей в Совет. «По постановлению Совета, — говорилось в обращении, — все костромские рабочие должны быть объединены». И далее: «Это требование предъявляется к вам нашим рабочим правительством — Советом рабочих депутатов, и потому вы должны обсудить его по своим заводам и отнестись к нему очень серьезно»⁴. Здесь в соответствии с точкой зрения большевиков Совет уже прямо называется революционной властью. С. В. Малышев впоследствии писал: «Совет рабочих депутатов Костромы с каждым днем охватывал своим влиянием широкие трудящиеся массы города Костромы и губернии, выполняя функции новой революционной власти»⁵.

На собрании 27 ноября, в работе которого участвовали делегаты профсоюза печатников, почтово-телеграфных служащих, серебряников, Совет выбрал комиссию «для решения вопроса о введении революционным путем 8-часового рабочего дня»⁶.

¹ Революционное движение в 1905—1907 гг. в Костромской губернии. Кострома, 1953, с. 199—200.

² 1905 год в Костроме, с. 114.

³ Заре навстречу, с. 145.

⁴ Там же, с. 118.

⁵ Там же, с. 145.

⁶ Высший подъем революции 1905—1907 гг. ч. II, с. 71.

В сложной ситуации Совет проявил революционную бдительность и решимость. На экстренном заседании 4 декабря, после обсуждения вопроса о готовящемся черносотенном шествии, Совет принял следующее решение: «По поводу подготовленного местной администрацией погрома (на 6 декабря) Совет рабочих депутатов постановил: 1) агитировать за то, чтобы ни один товарищ и ни один гражданин не участвовал в предполагаемой манифестации; 2) не украшать город национальными флагами; 3) не давать повода к провокаторским попыткам со стороны «патриотов»; 4) держать наготове вооруженную милицию и при первой попытке манифестантов к погрому разогнать их; 5) устроить в Михинском сквере обычный социал-демократический митинг, и 6) предложить губернатору держать 5 и 6 декабря все винные лавки закрытыми». От имени Совета член Исполкома А. К. Гастев потребовал по телефону, чтобы губернатор распорядился закрыть в городе винные лавки и запретил монархическую манифестацию. Боясь вооруженного выступления рабочих, губернатор согласился с требованием Совета и просил передать, что он «уважает Совет рабочих депутатов».¹

6 декабря на революционном митинге в Михинском сквере участвовало до тысячи рабочих. По окончании митинга свыше 500 его участников с пением революционных песен направились к Народному дому², месту заседаний Совета. Митинг и демонстрация, охраняемые дружиной, явились смотром революционных сил костромского пролетариата в капюи решающих событий революции.

Вооруженного восстания в Костроме не произошло, и 27 декабря Исполком Совета принял резолюцию о прекращении деятельности комиссии. Но здесь же выражалась уверенность, что «социал-демократический комитет партии, организовавший Совет, выполнит великую задачу руководства рабочим движением».³ В ночь с 27 на 28 декабря члены Исполкома были арестованы и с этого времени Костромской Совет прекратил свое существование.

Организация массовых политических выступлений, подготовка вооруженных сил, руководство деятельностью дружины, срыв контрреволюционных выступлений в городе, объявление политической стачки и готовность перевести ее в восстание, руководство всей деятельностью Совета — таковы главные заслуги большевиков Костромы на высшем этапе революции в октябре — декабре 1905 г.

---

¹ Заре навстречу, с. 120.

² Там же, с. 183—185.

³ Там же, с. 128—130.

**По материалам Ивановской, Костромской
и Ярославской губерний**

Настоящая статья ставит своей задачей осветить некоторые вопросы создания аппарата Советской власти и органов управления в Костромской, Ивановской и Ярославской губерниях за период с октября 1917 года по сентябрь 1918 года. Три названные губернии, составляющие единый регион, имели много общего в экономическом и социально-политическом развитии, во многом одинаковы были здесь и конкретные условия. Поэтому документы областных архивов и другие источники, взятые в совокупности, позволяют глубже изучить и понять закономерности социалистической революции и, в частности, процесс слома буржуазного госаппарата и создание новых органов Советской власти.

В Верхнем Поволжье власть в руки Советов после победы революции в Питере переходила в основном мирным путем. В Ярославле уже 27 октября заседание Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями заводских и полковых комитетов подавляющим большинством голосов приняло решение о переходе власти в руки Советов и избрало исполком Совета.¹ 29 октября на совместном заседании Костромские Советы рабочих и солдатских депутатов единогласно приняли решение «об активной поддержке Петроградского восстания», а также о создании органа новой власти в городе — исполкома Совета². В тот же день Иваново-Вознесенский Совет рабочих и солдатских депутатов в приветствии Совету Народных Комиссаров указал, что «...обещает Народному правительству мира свою полную и всестороннюю поддержку»³.

Перед большевистскими организациями, занимавшими руководящее положение в губернских Советах, во весь рост встали трудные задачи организации органов Советской власти на местах. Советы Верхнего Поволжья еще в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую имели большое влияние среди трудящихся, и органам Временного прави-

¹ Установление Советской власти в Ярославской губернии. Сб. документов, Ярославль, 1957, с. 272.

² Установление Советской власти в Костроме и Костромской губернии. Сб. документов, Кострома, 1957, с. 202—204.

³ За власть Советов. Сб. документов, Ярославль, 1967, с. 189.

тельства приходилось с их мнением считаться. Так, ярославский Совет рабочих и солдатских депутатов 22 апреля 1917 года принял резолюцию о снятии со страниц местной газеты «Труд и борьба» объявлений о распространении правительственного, антинародного «Займа Свободы»¹. Костромской Совет рабочих депутатов 24 мая 1917 года принял большевистские резолюции о недоверии Временному правительству и об отношении к империалистической войне², а в начале июля Костромские Советы воспротивились указанию правительства и не позволили арестовать большевиков и закрыть их газету³.

После 25-го Октября Советы при своем огромном авторитете и при слабости и нежизненности всех органов Временного правительства быстро и мирно взяли власть в Верхнем Поволжье. За короткое время, с ноября 1917 по январь 1918 года, они ликвидировали потерявшие всякий авторитет институт комиссаров Временного правительства, «Комитеты общественной безопасности». Командный и начальствующий состав военных гарнизонов и милиции был заменен.

Чаще всего в Верхнем Поволжье Советы принимали решение о роспуске органов прежней власти, и те сдавали свои полномочия, их иногда, по решению Советов же, приходилось и разгонять вооруженным отрядам рабочих и солдат.

Советы Верхнего Поволжья немедленно взяли в свои руки контроль и руководство важнейшими отраслями управления. Иваново-Вознесенский Совет уже 25 октября по предложению Д. А. Фурманова направил своих комиссаров на телеграф и телефон⁴. В Костроме 27 октября Совет направил своих представителей на все крупные фабрики, на почту, на железнодорожный вокзал, на телеграф. Исполкомы Советов в эти дни организовали чрезвычайные органы власти и управления — городские и губернские Военно-революционные Комитеты (ВРК) для защиты революционных завоеваний и подавления саботажа контрреволюционеров. Действенной силой ВРК стали вооруженные отряды рабочих и солдат. Ярким примером, показывающим авторитет и силу органов революционной власти, является приказ Ярославского ВРК от 28 октября 1917 года о выборах командного состава в гарнизоне и о демократизации распорядка в частях⁵.

Несколько позднее представители Советов на правах чрез-

---

¹ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), р-2468, оп. 1, д. 3, л. 24.

² Государственный архив Костромской области (ГАКО), р-2722, оп. 1, д. 1, л. 53.

³ ГАКО, там же, л. 115—115 об.

⁴ Государственный архив Ивановской области (ГАИО), ф-31, оп. 1, д. 1, лл. 141, об. — 144 об.

⁵ ГАЯО, р-2468, оп. 1, д. 6, л. 132.

вычайных комиссаров возглавили самые важные отрасли управления — милицию, финансы, снабжение продовольствием, связь: так возникали прообразы будущих отделов исполкома, но при старом техническом аппарате губернских и уездных органов управления.

Документы Ивановских, Костромских и Ярославских архивов убедительно свидетельствуют, что в короткое время Советы стали признанными органами власти в губернских центрах и уездах Верхнего Поволжья. Их распоряжения и приказы направлялись для исполнения милиции, фабрично-заводским комитетам, воинским частям; иногда поручения давались Военно-революционным комитетам.

9 декабря 1917 года Ивановский Совет признал необходимым организовать в исполкоме отдел труда, отделы промышленности и продовольствия.¹ Совет Костромы 23 декабря решил создать и организационно оформить первые отделы губисполкома — экономический, финансовый, культурно-просветительный, аграрный и другие.² Подобные отделы были организованы в декабре и в Ярославском губисполкоме.³

Так с самого начала главными в своей деятельности Советы считали созидательные функции, направленные на решение задач мирного строительства нового общества.

Наряду и параллельно с Советской властью и под ее контролем выполняли часть своих хозяйственных функций и органы бывшего городского и земского самоуправления. Так, до конца марта 1918 года, пока окончательно не оформились отделы горисполкома, часть дел вела Костромская городская дума, в которой большевики еще с июня 1917 года имели большинство мест. 25 марта 1918 года Костромской губисполком совместно с Думой обратился в НКВД с просьбой ассигновать деньги на постройку гавани, указав, что «городское самоуправление работает в тесном контакте с Советами».⁴

Ивановский губисполком в апреле 1918 года выделил Ивановской городской управе 10 тыс. руб. на ведение городского хозяйства.⁵ В Ярославле Совет совместно с городской управой в апреле 1918 года проводил весеннюю очистку улиц.⁶

Безусловно, органы старого городского и земского самоуправления в Верхнем Поволжье после победы Октября не везде использовались Советами. Так, сами отказались от своих полномочий, поняв неспособность работать в новых условиях, Коло-

¹ ГАИО, ф-33, оп. 1, д. 2, лл. 1—1 об.

² ГАКО, р-2722, оп. 1, д. 1, лл. 285—285 об.

³ ГАЯО, р-180, оп. 1, д. 118, лл. 12—14.

⁴ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 448-а, л. 68.

⁵ ГАИО, ф-33, оп. 1, д. 8, л. 44.

⁶ ГАЯО, р-180, оп. 1, д. 253, л. 32.

гривская городская дума, Солигаличская уездная продовольственная управа, Ярославская уездная земская управа и другие.

В первые месяцы советского строительства в губерниях Верхнего Поволжья наблюдалось необыкновенное многообразие в организационном построении, в структуре и даже в названиях местных органов власти и управления. Например, Кинешемский уездный Совет создал при своем исполкоме 28 отделов, Солигаличский УИК — 9 отделов, Буйский УИК — 16 отделов¹. Исполкомы организовывали комитеты, отделы, комиссариаты, комиссии, секции («Комиссариат юстиции», «Конфискационная комиссия», «Уездное попечительство по призрению семей красноармейцев», «Мануфактурный отдел» и т. д.). Управление ивановской текстильной промышленностью на первых порах осуществлял Мануфактурный отдел Комиссариата промышленности губисполкома. Некоторые губерnsкие органы власти и управления вводились для удовлетворения временных нужд в местных условиях. Так, процесс социалистических преобразований совпал по времени с организацией самой Иваново-Вознесенской губернии на базе уездов Владимирской и Костромской губерний. Поэтому в Ивановском губисполкоме функционировал «Отдел по организации Иваново-Вознесенской губернии». При Ярославском губисполкоме существовало «Управление работами по восстановлению Ярославля», так как город сильно пострадал во время белогвардейского мятежа.

Организационные трудности государственного строительства в первые месяцы революции вполне понятны и объяснимы — партии и народным массам пришлось впервые создавать органы своей власти.

В этом трудном и многогранном процессе велика была роль их взаимоотношений и связей с центральными органами. Центральные органы сами не могли в столь короткие сроки разработать всех организационных основ местных органов власти — их структуру, штаты, размеры бюджета и т. д. Поэтому в первое время указания центра не давали ответа на технические проблемы — порой за эталон брались некоторые параметры прежних учреждений. Так, в середине января 1918 года НКВД разъяснил Костромскому губисполкому, что ему открыты в местном казначействе кредиты по управлению губернией на январь 1918 года в размере кредитов МВД за январь 1916 года². Любопытно в этой связи и указание Наркомфина Костромскому губисполкому от 3 апреля 1918 года о том, что вопрос об отношениях между Советами и местными финансовыми органами находится на рассмотрении в СНК РСФСР; пока же предлагалось не проводить

¹ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 8, лл. 98, 105, 108.

² ГАКО, р-234, оп. 1, д. 679, л. 4.

никаких изменений в бывших казенных палатах, казначействах, податных инспекциях.¹ В развитие этого указания в начале мая Советы получили телеграмму, подписанную В. И. Лениным, в которой рекомендовалось «единство кассы» на местах: все советские учреждения и отделы исполкомов обязаны были передать все суммы в Государственные казначейства и кассы Народного Банка.²

В то трудное время, в условиях разрухи и сопротивления контрреволюции, центральные органы просто не успевали юридически оформить то, что решалось на местах самой жизнью и входило в практику советского строительства. НКВД РСФСР только в середине июня 1918 года утвердил создание повой Иваново-Вознесенской губернии и состав губисполкома, хотя уже в апреле состоялся III Ивановский губернский съезд Советов: его решения легли в основу практической деятельности местных органов власти.

Первые ведомственные циркуляры, направляемые паркоматами, были еще не совершенны. Например, Советы Верхнего Поволжья получили приказ Наркомвоенна от 20 апреля 1918 года о штатах и структуре губернских и уездных военкоматов, а предлагаемая им штатная численность не соответствовала бюджетным возможностям местных Советов и «кадровой ситуации». Штат губвоенкомата, по приказу, составляли 129 человек, а штат уездного военкомата по тому же минимальному расписанию — 82 человека³. Особенно много значилось почему-то делопроизводителей, переписчиков, машинисток и т. п.

В ряде уездов Верхнего Поволжья такие революционные преобразования, как обложение буржуазии единовременными налогами, проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства, национализация торговых предприятий, встретили сопротивление контрреволюции. Но к концу марта 1918 года съезды Советов, проходившие в губерниях Верхнего Поволжья, смогли констатировать, что во всех, даже самых отдаленных, волостях власть полностью перешла в руки Советов. В. И. Ленин указывал в марте 1918 года: «Подавляющее большинство трудящихся классов сознательно и прочно перешло на сторону Советской власти вообще и партии большевиков в частности»⁴.

Важным этапом в процессе строительства первого в мире рабоче-крестьянского государства был V Всероссийский съезд Советов, принявший 10 июля 1918 года первую Советскую Конституцию, которая законодательно оформила организационное устройство Советской власти, в том числе и ее местных органов и

¹ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 448-а, л. 59.

² ГАИО, ф-33, оп. 1, д. 63, л. 3.

³ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 448-а, лл. 116—118.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 127.

учреждений. В соответствии с Конституцией изменилось построение органов власти и в Верхнем Поволжье, уточнились структура, компетенция и взаимодействие отделов исполкомов. Так, ведущие административные отделы преобразовываются в отделы и управления, а в них на правах подотделов стали входить управления милиции и Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. Руководство промышленностью переходит к Советам Народного хозяйства: в Иваново, например, прошел специальный губернский съезд по организации Губсовнархоза, избравший бюро ГСНХ под председательством М. В. Фрунзе.¹

Конституция внесла также единообразие в структуру исполкомов, в названии всех отделов; так, в начале сентября Ивановский губисполком сделал указание всем исполкомам губернии преобразовать структурные подразделения и отделы в строгом соответствии с Конституцией РСФСР.²

В начале сентября 1918 года НКВД дополнительно разъяснил губисполкомам, что в соответствии с Конституцией РСФСР все функции управления в стране переданы отделам местных Советов, которые проводят свою работу под руководством и контролем соответствующих исполкомов.³

Осенью 1918 года закончился первый, самый сложный, период советского строительства в Верхнем Поволжье. Советы с честью выполнили те задачи, которые ставила перед ними партия, В. И. Ленин: «Убеждать — завоевывать — управлять»⁴.

В. ГУСЕВ

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ДЕКРЕТА ОБ ОТДЕЛЕНИИ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА И ШКОЛЫ ОТ ЦЕРКВИ В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1918—1922)

Документом огромного значения явился подписанный В. И. Лениным 20 января 1918 года «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах»⁵. Осуществление его в условиях голода, разрухи, гражданской войны было сложным и длительным. В губернии претворением Декрета в жизнь на первых порах занимался губернский отдел юстиции. 30 марта 1918 года губисполком установил должность заведующего отделом ЗАГС, а с 1 января 1919 года — должность заведующего подотделом отделения церкви от государства⁶. Обе должности поручались Н. П. Орлеанскому.

¹ ГАИО, ф-33, оп. 1, д. 69, лл. 3—7.

² ГАИО, ф-33, оп. 1, д. 83, лл. 7—7 об.

³ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 407, л. 116.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 543.

⁵ Декреты Советской власти, Т. 1, М., 1957, с. 373—374.

⁶ ГАКО, р-1108, оп. 1, д. 29, л. 23.

Партийные и советские органы проводили в то время довольно активную антирелигиозную работу, организовывая в Костроме и уездах митинги, общие собрания граждан, на которых раскрывалось содержание Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, критиковалось отношение церкви к женщине, читались лекции об истории религии, вскрывались ее социальные корни. 15 февраля 1918 года Костромское бюро культпросветотдела обратилось в губисполком с просьбой «срочно распорядиться, чтобы не было организованного участия учащихся всех начальных и средних школ города в крестном ходе, если таковой состоится, ввиду недопустимости принудительного вовлечения детей в религиозно-политическую борьбу»¹.

К маю 1918 года в ведение народного суда и регистрационного отдела перешла часть дел бывшей Консистории.

В конце июля 1918 года при отделе ЗАГС начал работать стол по приему заявлений о расторжении браков по обоюдному согласию. В этом же месяце на основании Декрета горисполком постановил закрыть церкви во всех средних школах города. По сообщениям уисполкомов в губотдел ЗАГС видно, что к октябрю 1918 года повсеместно в губернии школы были изъяты из ведения церквей, во всех советских школах запрещено преподавание закона божьего. Губотдел народного образования сообщал в октябре 1918 года Губкомиссару юстиции, что «в г. Костроме и губернии декрет об отделении церкви от государства проводится в точности... В ведении церкви нет ни одной школы, бывшие духовные училища преобразованы в советские школы, духовная семинария закрыта»².

Той же осенью (1 ноября 1918 года) зав. губюста издал приказ с предложением немедленно снять в советских учреждениях иконы, статуи, картины и другие предметы церковно-религиозного характера и передать их на хранение в губотдел ЗАГС³.

Все это были лишь первые шаги по осуществлению Декрета, и церковь еще оставалась влиятельным центром духовной жизни, крупнейшим владельцем земли и имущества. В губернии насчитывалось 22 монастыря и 934 православные приходские церкви, а по данным сельскохозяйственной переписи 1917 года церквям принадлежало 52605 десятин земли, монастырям — 18501 десятина; удобной земли (пашни, сенокос, леса) церкви имели 50052 десятины, монастыри — 17838 десятин, что составляло почти один процент площади губернии⁴.

---

¹ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 459, л. 9.

² ГАКО, р-1108, оп. 1, д. 29, л. 14.

³ Там же, р. 2, л. 1.

⁴ Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Вып. 6. Кострома, 1919, с. 54—55.

Кроме того, монастыри владели рыбными промыслами, мельницами, мастерскими, гостиницами и прочим имуществом. Богоявленский женский монастырь в Костроме имел золотошвейную, живописную мастерские, мельницу; у Троицкого Белбажского женского монастыря в собственности находились ткацкая, швейная, башмачная мастерские, водяная и ветряная мельницы; Николаевский Бабаевский мужской монастырь владел мельницей, двумя каменными лавками и двухэтажным домом в Костроме и т. д.

Национализация церковных земель в Костромской губернии началась еще до издания Инструкции Наркомюста от 24 августа 1918 года. В марте 1918 года губисполком выработал инструкцию, руководствуясь которой, уездные и волостные земотделы приступили к изъятию земель у духовенства и зачислению их в запасной фонд. Однако здания, мастерские, денежные средства и другое имущество стали учитываться и национализироваться только после сентября 1918 года. Постановление губисполкома от 25 сентября 1918 года обязывало все духовные органы, в чьем ведении находились храмы и богослужбное имущество, в двухнедельный срок представить в исполкомы Советов на местах инвентарные описи на имущество, предназначенное для богослужения, и описи имущества, не предназначенного для этого, — дома, земли, свечные и другие заводы, мастерские, гостиницы и прочее. Монастырские здания и хозяйства намечалось использовать для устройства в них детских садов с бесплатным питанием, клубов, жилищ для нуждающегося трудового населения. Престарелые и больные монахи не лишались права на социальное обеспечение.¹

На первых порах национализация шла медленно. По рапортам настоятелей монастырей епископу за 1918 год видно, что доходы братии по-прежнему оставались значительными, хотя численность монашествующих сокращалась и новых постригов не проводилось.

Так, за год в Авраамиев — Городецкий мужской монастырь поступило 14605 рублей арендной платы за мельницу на р. Вексе, за рыбные ловли в Чухломском озере и процентов с капитала. Троицкий Белбажский монастырь получил 112655 рублей, Богородицкий женский монастырь имел доход 10934 рубля².

Чтобы устоять, монашествующие стали объявлять свои монастыри трудовыми коллективами и коммунами. Органы Советской власти на местах в то время еще допускали такие объединения и оставляли за ними часть земли и имущества, обязывая

¹ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 513, лл. 3, 5.

² ГАКО, р-1108, оп. 1, д. 2, лл. 35, 36, 960 (об.), 970, 981.

лично трудиться каждого члена коммуны. Так, в Галичском уезде за мужским Паисиевым и женским Николаевским монастырями остались здания, земли, капиталы; часть имущества для устройства коммуны сохранилась и за Авраамиевым монастырем¹.

Богородицкому женскому монастырю в Ветлужском уезде при изъятии излишков земли, мельницы, двух домов осталось однако по 3 десятины земли на душу².

Эти гуманные меры Советской власти имели целью приобщить к полезному труду бывших тунеядцев, сделать их полноценными гражданами нового общества. Однако в большинстве созданных «коммун» монахи все-таки не работали, а жили за счет эксплуатации трудящихся. К примеру, Троицкая Кривоезерская мужская пустынь в Макарьевском уезде, имея более 3 тыс. десятин земли, сдавала ее крестьянам в аренду за половину урожая³.

Так же действовала братия и других монастырей. Тем более, что епархиальный совет указал всем церковникам на местах стать во главе подобных «трудовых» коллективов, дабы направлять жизнь их не только с религиозной, но и с хозяйственно-административной стороны в своих интересах. Поэтому Наркомюст в марте 1918 года предупреждал местные Советы, чтобы под видом фиктивных коммун не создавались монастырские общеселения с их характерными особенностями, чтобы такие «коммуны» и «артели» не обогащались, эксплуатируя религиозные чувства граждан⁴.

В 1919 году Наркомзем и Наркомюст сделали дополнительное разъяснение о том, что членами коммун монахи и священники, лишенные избирательных прав в соответствии с Конституцией РСФСР, быть не могут.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» запрещал принудительные сборы и обложения в пользу церковных или религиозных обществ, но духовенство этот запрет игнорировало. Яркой иллюстрацией в этом плане явилось решение епархиального собрания, утвердившего смету на 1920 год. В ней, в частности, предусматривались расходы:

1. На содержание епископа — 60 тыс. руб.
2. На содержание vicария — 48 тыс. руб. и дополнительное жалование за ноябрь — декабрь — 2,5 тыс. руб.
3. На содержание архиерейской канцелярии — 23,5 тыс. руб.
4. Пособие причту кафедрального собора — 168 тыс. руб.

¹ ГАКО, р-1108, оп. 1, д. 2, лл. 8, 15, 15(об), 28.

² Там же, д. 29, л. 14.

³ Там же, д. 8, л. 6.

⁴ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 513, лл. 2, 4, 4(об).

5. Пособие кафедральному собору — 93 тыс. руб.
6. На содержание епархиального совета — 691 тыс. 300 руб.
7. Пособие попечительству о бедных — 16 тыс. 466 руб.
8. Содержание миссионерского совета — 200 тыс. руб.

Всего смета предусматривала на 2 млн. 4 тыс. 68 рублей расходов. Чтобы покрыть их, собрание решило обложить верующих — в среднем по полтора рубля каждого. Предлагалось всем участникам собрания, вернувшись домой, провести многолюдные благочиннические собрания, на которых призвать верующих к пожертвованиям для церкви и принять все меры для скорейшего сбора денег¹.

Духовенство продолжало вести паразитический образ жизни: на содержание архиерея и викария, например, выделено почти в 7 раз больше средств, чем на все попечительство о бедных. Не случайно планировались и значительные суммы на содержание миссионерского совета. Этот орган был призван «ловить» души, приобщать их к «вере Христовой», и епархиальный совет не скупился на субсидии. Финансирование причта кафедрального собора, превышающее более чем в 10 раз содержание канцелярии, показывает, что духовенство делало ставку на театрализацию своей деятельности: пышность служб, блеск собора должны были внушать верующим мысль о величественной незыблемости религии.

В большинстве уездов проведение Декрета в жизнь не встретило открытых выступлений, но в Буйском, Варнавинском, Нерехтском, Кологривском и Солигаличском уездах имели место черносотенные выступления и даже вооруженные акции против Советской власти.

В августе 1918 года губернский военно-революционный трибунал рассматривал дело священника Успенского, обвиняемого в агитации против Советской власти. Осенью 1918 года в селах Новографской волости Галичского уезда были арестованы священники Татауровский и Сокольский за письменную и устную антисоветскую агитацию. Они говорили в церквях, что большевики нарочно не дают хлеба, чтобы крестьяне умирали с голоду, называли большевиков «антихристами»².

При поддержке кулачества и наиболее отсталой части крестьянства церковникам удалось кое-где добиться своего «мирным путем». В мае 1918 года Нерехтский уездный съезд, где избивали кулаки, вынес постановление о введении в школах «обязательного преподавания закона божия».

В Великовской волости Солигаличского уезда священник Пихни, выступая на собраниях прихожан, умышленно искажал

¹ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 584, л. 29.

² Северный рабочий, № 308, 336, 1918 г.

смысл Декрета об отделении церкви от государства. Агитация его вызвала контрреволюционную вспышку 15 ноября 1918 года, хотя поводом послужила военная мобилизация лошадей. Прибывший в волость отряд Красной Армии созвал сход, на котором крестьяне получили разъяснение истинного смысла мероприятий Советской власти, а сход единогласно принял решение об отделении церкви от государства. Недоразумение исчерпалось.

В целом же население губернии поддерживало мероприятия Советской власти.

При крайней нехватке помещений под госпитали и детские учреждения в Костроме сами группы верующих указывали на некоторые храмы, предлагая их закрыть. Комиссия по распределению закрывающихся церквей в первую очередь выделяла помещения под школы, библиотеки-читальни и другие культурно-просветительные учреждения. Даже изъятие церковных ценностей в 1922 году почти по всей губернии прошло совершенно спокойно, несмотря на агитацию церковников против него.

Обвиняя большевиков в уничтожении культурных ценностей, церковники грешили против истины: памятники культуры государство брало под охрану. Так, подотдел по делам музеев и охране памятников летом 1920 года запретил пристройку к каменному собору в Галиче деревянной школы, поскольку это могло нарушить архитектурные и скульптурные особенности постройки XVIII века¹.

В трудной борьбе со старым побеждала Советская власть. В данной статье мы попытались вкратце рассказать о том, как на территории Костромской губернии претворялся в жизнь Декрет об отделении церкви от государства в первые годы революции. Борьба органов Советской власти за его осуществление являлась составной частью сложнейшего процесса революционных преобразований, строительства нового общества.

М. ЛАПШИНА

**СОРАТНИКИ В. И. ЛЕНИНА
НА КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛЕ (Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ
И А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ)**

С Костромским краем были связаны многие соратники В. И. Ленина. На костромской земле активно работали, в частности, талантливые марксисты, старейшие члены ленинской партии Н. Л. Мещеряков и А. В. Луначарский. Оба они в свое время помогли значительно улучшить работу местной парторганизации.

Николай Леонидович Мещеряков приехал в Кострому в кон-

¹ ГАКО, р-6, оп. 1, д. 511, л. 124а.

це июня 1917 года. Штатный пропагандист ЦК, член областного бюро РСДРП, один из образованнейших марксистов России, он в июне — июле курировал Костромскую губернию. Хороших пропагандистов в то время на месте не хватало, и приезд Мещерякова стал событием. Доклады Мещерякова, как вспоминает Е. А. Виноградова, работавшая тогда в городском комитете партии, реферировал, за отсутствием стенографисток, молодой коммунист А. В. Гуссаковский, затем они шли в партийную печать¹. 21 июня 1917 года после почти десятилетнего перерыва в Костроме вышел первый номер большевистской газеты «Северный рабочий», где публиковался первый костромской доклад Мещерякова — «Программа социал-демократической рабочей партии». В докладе Николай Леонидович дал анализ классовой борьбы. Начав с определения самого понятия «класс», он затем рассказал о создании партий, ведущих борьбу классов на политической арене, дал характеристику буржуазным, крестьянским партиям и, в заключение, — характеризовал программу РСДРП.

На страницах «Северного рабочего» в шести номерах опубликованы, кроме названного, еще доклады «Кооперация и рабочее движение» и «Характер русской революции и влияние ее на Западную Европу». Писал Николай Леонидович и специально для «Северного рабочего», в котором были опубликованы три статьи: «Революция растет» (№ 5, 25. VI) под псевдонимом «Никс» и рядом — «Н. Мещеряков»; «Буржуазия организуется» (№ 6, 27.VI) и «Кто должен дать средства на войну» (№ 7, 28.VI) обе за подписью — «Н. Мещеряков». В последней статье, обличая политику Временного правительства, он пишет: «Можно ли нам думать и болтать о войне до победного конца... Есть только одно средство, если не предотвратить, то хотя бы ослабить неизбежный финансовый крах. Для этого нужно как можно скорее окончить войну...»

25 июня в Костроме проходили выборы в городскую думу. Конечно же, Костромской комитет предложил Николаю Мещерякову выступить по наиболее актуальному в данный момент вопросу — о завоевании большевиками городской думы. 24 июня он и выступил в зале бывшего дворянского собрания с публичной лекцией «Задачи социал-демократов в городской думе».

Его доклады, статьи, лекции свидетельствуют о том, что Мещеряков — прекрасный популяризатор, пропагандист, очень образованный человек, умевший просто и убедительно говорить о сложных вопросах.

Биография Н. Л. Мещерякова мало известна, поэтому мы считаем необходимым отметить некоторые вехи его яркой жизни. Николай Мещеряков, сын мещанина из Тульской губернии,

¹ Октябрь в Костроме. Сборник воспоминаний, Кострома, 1957, с. 84.

рано лишился родителей. Революционную деятельность, как он указывал, начал в 1885 году в Петербурге, в партии «Народная воля», будучи студентом технологического института.¹ В мае 1886 года за пропаганду в рабочем кружке его арестовали, исключили из института и выслали под надзор полиции.

В начале 90-х годов он снова в Петербурге. Чтобы обрести связи, Николай Леонидович устроился преподавать механику в трехгодичных технических классах для рабочих в школе за Невской заставой вместе с Н. К. Крупской².

К этому времени, как он сам писал, большую роль в формировании его воззрений сыграл «Капитал» К. Маркса: «Идеи Маркса, производили в моей голове разрушительную работу, подрывая многие из народнических теорий».

Вместе с тем, очень ценно для нас признание Н. К. Крупской: «Он первый ввел меня в нелегальную работу, первый обучал правилам конспирации»...

Высшее образование Н. Л. Мещеряков получил после, в Льеже, закончив там университет. Там он вступил в ряды заграничной лиги русских социал-демократов по рекомендации Н. К. Крупской. Адресом Н. Л. Мещерякова в Льеже пользовался В. И. Ленин для связи с российскими комитетами РСДРП.

1 ноября 1902 года Николая Леонидовича направили в качестве агента «Искры» в Россию под кличкой «Ледя», но на свободе ему удалось пробыть только 27 дней. Его арестовали на явочной квартире в Москве в момент обсуждения текстов прокламаций с членами Московского комитета: перед собравшимися лежали 19-й и 20-й номера «Искры». Вернувшись из ссылки в Якутию летом 1906 года, Николай Леонидович сразу же вошел в состав секретариата только что организованного в Москве областного бюро РСДРП центрального промышленного района, включавшего 14 губерний. Одновременно он являлся и ответственным пропагандистом окружного комитета, созданного осенью 1905 года для ведения партийной работы в Московской губернии. 20 октября 1906 года Николая Леонидовича снова арестовали на явке, выданной провокатором. До 30 апреля 1909 года он просидел в тюрьме, а затем Московская судебная палата приговорила его к лишению всех прав состояния, к поселению в Сибирь и к переводу в разряд «крестьян из ссыльных», что лишало его возможности вернуться в пределы европейской России. Этапом вместе с другими ссыльными его отправили в Енисейскую губернию. Но и оттуда за организацию празднования 1 Мая 1910 года среди ссыльных Н. Л. Мещеряков был выслан на далекую Ангару.

¹ Мещеряков Н. Кусочки воспоминаний старого пропагандиста. Пропагандист, 1934, № 1—2, с. 38.

² Кларина И. Николай Мещеряков. Красноярск, 1978, с. 27.

Именно здесь он, лишенный общения с товарищами и духовной пищи, занялся газетной публицистикой. Публицистика не оплывала, она могла привести к новым арестам, но, несмотря на это, Н. Л. Мещеряков, установив связи с сибирскими газетами «Голос Сибири», «Обская жизнь», «Сибирская речь», «Иркутское слово» и другими, выступал в них под различными псевдонимами и криптонимами¹. В ссылке (он пробыл там до апреля 1917 года) Н. Л. Мещерякова, как и ранее, в якутской ссылке, отыскала Н. К. Крупская, через которую шла переписка большевистского ЦК. Николай Леонидович пишет об этом так: «Это характерная черта Ленина — не оставлять товарищей, которые попадали в ссылку».

К В. И. Ленину Николай Леонидович относился с бесконечным уважением. Впервые они встретились в 1902 году в Льеже, а в годы Советской власти находились уже в тесном контакте. С 1918 года Николай Леонидович — один из трех главных редакторов «Правды», член исполкома Моссовета, а с 1920 года — председатель редакционной коллегии Госиздата. На этом посту он принимал активное участие в подготовке первого издания собрания сочинений В. И. Ленина, осуществленного по решению IX съезда РКП(б) в 20 томах. Костромской музей-заповедник располагает полным комплектом этого ценного издания, полученным в свое время от Истпарта.

В 1925 году Николай Леонидович был назначен заместителем главного редактора Большой Советской энциклопедии, а в 1927 году — главным редактором Малой Советской энциклопедии. За эту деятельность ВЦИК наградил его Почетной грамотой.

Умер Н. Л. Мещеряков в 1942 году в Казани, куда эвакуировался с редакцией редактируемого им журнала «Наука и жизнь»...

Спустя два года после посещения Мещерякова в тяжелый 1919 год, помощь партийным и советским органам Костромской губернии оказывал другой соратник В. И. Ленина — А. В. Луначарский, уполномоченный ВЦИК и ЦК РКП(б). Он тоже проводил встречи с активом, выступал на митингах и с публичными лекциями, вел антирелигиозный диспут в Народном доме, встречался с учителями, посещал школы, клубы, успевал многое другое. Его выступления собирали большую аудиторию и имели грандиозный успех. «Советская газета» в те дни опубликовала информацию под рубрикой «Чего хочет рабочий класс» о том, что 15 мая в помещении Народного дома состоялся грандиозный митинг². Рабочие с большим интересом выслушали доклад т. Луначарского. По просьбе учителей Анатолий Васильевич провел с

¹ Кларина И. Указ. соч.

² Советская газета, 1919, 17 мая.

ними несколько специальных бесед о школе. По его совету они организовали выставку книг о трудовой политехнической школе и подготовили доклады о том, как они ее понимают. На совещании Анатолий Васильевич очень внимательно выслушал все доклады а потом выступил с разъяснениями. При дебатах об участии учеников старших классов в педагогических советах и школьном самоуправлении А. В. Луначарский высказался за то, что дети должны участвовать во всех формах школьной жизни: так они раньше почувствуют себя гражданами своей школы¹.

Пребывание А. В. Луначарского в нашем крае хорошо зафиксировано в прессе, документах, фотографиях и воспоминаниях. Интересные материалы хранятся в фондах музея-заповедника и его филиалов в Буге и Галиче. При внимательном изучении этих материалов выявились любопытные факты. Известно, что в Костроме внимание А. В. Луначарского особо привлекла первая трудовая школа. Ее Анатолий Васильевич посетил дважды. В статье «Народное образование в Костроме» А. В. Луначарский писал: «...В одно из своих посещений я пробыл там много часов. Впечатление вынес самое отрадное...» Эта встреча Анатолия Васильевича с учащимися школы-коммуны состоялась 29 мая. После митинга, где он выступил, назвав учащихся образно «красными яичками революционной пасхи», состоялся концерт. Анатолий Васильевич преподнес ребятам сюрприз — прочитал под аплодисменты стихотворение, написанное экспромтом в зале. В фондах музея-заповедника хранится фотография, запечатлевшая Луначарского с учащимися и преподавателями школы-коммуны² и стихотворение «Учащимся первой трудовой школы-коммуны в Костроме»³. На обратной стороне фотографии надпись, сделанная рукой Н. Л. Херсонской, тогдашней заведующей, удостоверяющей этот факт.

Но историками и краеведами еще не все сделано по атрибуции фотодокументов об А. В. Луначарском. Так, в книге «А. В. Луначарский (жизнь и деятельность в фотографиях и документах)» помещена фотография выступающего на митинге А. В. Луначарского⁴ с подписью: «На митинге во время одной из поездок 1920 г.» В журнале «Советские архивы»⁵ та же фотография, опубликована с другой подписью: «Выступление А. В. Луначарского на митинге, организованном сотрудниками поезда «Красный Восток. 1919 г.» В действительности же эта фотография сделана во время выступления Анатолия Васильевича на ми-

¹ Херсонская Н. Из воспоминаний о Луначарском. Народное образование, 1970. № 12.

² Костромской музей-заповедник (далее КМЗ), код 22785.

³ КМЗ, код 19785.

⁴ Луначарский А. В. Плакат, 1975 г.

⁵ Советские архивы, 1975, № 6.

тинге в г. Буге 25 мая 1919 года. Подлинник этой фотографии хранится в Буйском филиале музея-заповедника.

Анатолий Васильевич неоднократно бывал в Костроме, связав его с городом продолжалась и в 1920 и 1921 годах. Губернский комитет партии отмечал «громадную работу, проделанную тов. Луначарским в нашем крае»¹.

С. ПАВЛОВА

КОСТРОМСКИЕ ГАЗЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕРВЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КРАЕ

В своей статье мы попытаемся вкратце дать источниковедческий анализ костромских газет, выходивших в первые годы Советской власти. Выбор темы обусловлен тем, что газеты оперативно освещали ход событий и публиковали материалы, пожалуй, о всех важнейших преобразованиях, которые происходили в крае, и тем, что газеты, как ни один другой источник, несут на себе отпечаток, пафос и величие тех незабываемых лет.

Местные газеты ценны для исследователей и тем, что в них отражена местная специфика революционных преобразований; они доступны для исследователя, ибо хранятся и в архивных и в библиотечных фондах.

...В первые годы Советской власти в Костроме выходили следующие газетные издания: «Северный рабочий» (с июня 1917 г. по июль 1919 г.), «Советская газета» (с января 1918 г. по июнь 1919 г.), «Красный мир» (с июля 1919 г. по декабрь 1924 г.).

Они регулярно помещали материалы о защите социалистического Отечества, в частности, о записи добровольцев в Красную армию, о боевых действиях костромских воинских частей и отрядов, о помощи тыла фронту, о подготовке кадров для действующей армии.

В августе 1918 г. «Советская газета» опубликовала резолюцию чрезвычайного съезда советских работников по текущему моменту, в которой говорилось о необходимости «немедленно организовать во всех уголках Костромской губернии социалистические отряды из рабочих и беднейших крестьян»².

Она же 11 апреля 1918 г. обнародовала телеграмму военкома Уральского фронта, полученную Костромским губисполкомом, с высокой оценкой боевых действий Первого Советского полка. Военком писал, что полк «выделился своей сплоченностью, боевой

¹ Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль, 1967, с. 174.

² Советская газета, 1918, 18 августа.

подготовкой и образцовым порядком»¹. О боевых действиях курсантов Костромских пехотных курсов при защите Красного Питера говорилось в корреспонденции, опубликованной в декабре 1919 года².

Трудящиеся проявляли героизм не только на фронтах гражданской войны, но и в тылу.

Большой интерес представляет резолюция общего собрания рабочих Механического завода (б. Пло), помещенная в газете «Красный мир», об отчислении в помощь фронтовикам однодневного заработка. В резолюции читаем: «Рабочий у станка не забывает своего товарища, с винтовкой в руках борющегося на фронте за освобождение трудящихся»³.

Газета «Северный рабочий» в 1919 г. дает отчет по сбору «Красный подарок»: «Советская Кострома имеет все основания гордиться борцами, выставленными на Красный фронт. Для фронта губвоенкому были переданы деньги в сумме 28309 рублей, их собрали рабочие-печатники, рабочие фанерного завода»⁴.

Местные партийные и советские органы в то время большое значение придавали подготовке кадров для фронта. В этом плане весьма показательно, на наш взгляд, сообщение известного костромского большевика Н. Ростопчина, опубликованное в газете «Северный рабочий»: «...в ближайшее время в Костроме открываются пехотные курсы по подготовке командного состава социалистической Красной Армии. Курсы должны будут подготовить политических и военных руководителей и организаторов армии»⁵.

Под влиянием Великого Октября родилось новое отношение к труду. Для историков весьма ценными являются газетные материалы о коммунистических субботниках, их массовости и энтузиазме трудящихся. В конце сентября 1919 г. «Красный мир» информировал костромичей о субботнике, в ходе которого была проведена уборка капусты на одном из общественных огородах. Вот как описывалось окончание субботника: «Но вот и совсем темно. Огород снят целиком. Кончен! Собрались группы и направились в город. Воздух оглашается не совсем стройными звуками революционных песен»⁶.

В декабре этого года газета сообщала, что в другом субботнике приняли участие 8 групп, объединявших 264 человека⁷.

Наше внимание привлекла газетная информация 1920 г. о

---

¹ Советская газета, 1918, 11 апреля.

² Красный мир, 1919, 24 октября.

³ Там же, 1920, 4 февраля.

⁴ Северный рабочий, 1919, 1 апреля.

⁵ Там же, 1918, 11 сентября.

⁶ Красный мир, 1919, 24 сентября.

⁷ Там же, 1920, 4 января.

том, что во время первомайского субботника были построены одноэтажный деревянный дом и театр в воинской части, произведена в течение 6 часов переделка «лабаза» в жилое помещение. Добровольцы-землекопы разбили новый сад, благоустроили несколько улиц. В тот же день было заготовлено 240 сажен дров, выпущено около 3000 пудов ржаной муки, около 400 пудов пшена и 194 пуда махорки, произведен ремонт мельницы, сшито 193 больничных халата, выпущено 150 пар ботинок. В субботнике принял участие 26016 человек¹.

О субботнике в октябре 1920 г. мы находим также самые подробные сведения: «Проложено узкоколейки на 2 версты на сумму 80000 рублей, раскорчевано 3 десятины кустарника на сумму 240 тыс. рублей, вырыта канава для водопровода на 50 погонных сажен, глубиной 2 аршина, на сумму 75 тыс. рублей, спарено 15 стыков водопроводных труб на 1500 рублей, итого заработано 410000 рублей»².

Коммунистические субботники, проходившие в первые годы Советской власти в Костромском крае, стали ярким примером больших революционных перемен в сознании людей, в их отношении к труду.

Осуществление культурной революции являлось одной из важных задач молодой Советской республики. «В стране безграмотной, — писал В. И. Ленин, — построить коммунистическое общество нельзя»³.

Партийные организации и местные советы придавали творческой работе по созданию нового общества первостепенное значение. «Советская газета» в январе 1919 г. писала: «Самым опасным врагом Советской власти внутри страны является темнота и невежество среди трудящихся не только деревень, но и городов. Чтобы рассеять мрак темноты русской деревни, навеянный веками господствующим классом капиталистов, необходимо принять сильные и решительные меры»⁴.

Интересными оказались корреспонденции об открытии многочисленных школ I и II ступени, школ-коммун.

Так, в феврале 1919 г. «Советская газета» писала: «Общество народных университетов решило открыть несколько школ I ступени для неграмотных и малограмотных взрослых в различных частях города»⁵. «Красный мир» в декабре того же года писал, что «местным отделом народного образования открыто четыре вечерних школы для неграмотных и малограмотных рабочих. По-

¹ Красный мир, 1920, 13 мая.

² Там же, 20 октября.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 315.

⁴ Советская газета, 1919, 4 января.

⁵ Там же, 12 февраля.

сещаются школы охотно. К источнику света и знания — школе...»¹

Всего же к концу 1920 г. в городе открылось 48 школ для неграмотных и, кроме того, 5 школ в близлежащих совхозах; всего в них обучалось до 1200 человек². Полезна для исследователя и информация об открытии первой в Костроме опытной трудовой школы-коммуны. С торжества была послана следующая приветственная телеграмма А. В. Луначарскому: «Праздником открытия первой костромской опытной трудовой школы-коммуны II ступени общее собрание школьного коллектива новой школы выражает твердую уверенность, что новая школа даст новых и сильных борцов Советской России и международной пролетарской революции, и горячо приветствует Вас, как вдохновителя педагогической революции, разрушающей пережитки буржуазной идеологии, укрепившейся в школе»³.

Культурная революция решала сложную проблему подготовки кадров для народного хозяйства. В этом плане весьма ценной является информация об открытии в г. Костроме курсов «Красных инженеров»: «21 ноября в 2 часа дня состоялось открытие курсов промышленной администрации (красных инженеров). Задача этих курсов, чуть ли не «единственных и первых в России, — подготовка кадров, творцов новой промышленной жизни из среды рабочих, класса, взявшего в свои руки власть в октябрьские дни 1917 года»⁴.

О работе курсов, «где бы учащиеся могли бы пополнить свои знания и подготовиться к той или иной работе», говорилось в открытом письме отдела народного образования горисполкома, напечатанном в «Советской газете» в апреле 1919 г.⁵

Новой формой культурно-массовой работы стали рожденные революцией клубы. И костромские газеты даже вели специальную рубрику «Жизнь клубов». Под ней исследователь найдет разнообразные и интересные сведения. «Северный рабочий» в январе 1919 года сообщал читателям, что в Первом Социалистическом клубе состоялась лекция на тему «История развития промышленности в России», что там заслушан доклад о событиях 9 января 1905 года и состоялись митинги, посвященные памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург⁶.

«На днях в Гродненском военном госпитале состоялось открытие красноармейского социалистического клуба, — писала газета «Красный мир»⁷.

¹ Красный мир, 1919, 2 декабря.

² Там же, 1920, 3 декабря.

³ Советская газета, 1919, 10 апреля.

⁴ Красный мир, 1920, 30 ноября.

⁵ Советская газета, 1919, 13 апреля.

⁶ Северный рабочий, 1919, 25 января.

⁷ Красный мир, 1919, 11 сентября.

В одном из декабрьских номеров газеты за 1920 год находим специальную корреспонденцию о работе Социалистического клуба. В ней, в частности, говорится о том, что актив клуба издал «12 книжек» по вопросам культурно-просветительной работы, устроил несколько выставок по клубной работе, открыл курсы клубных работников — одни из самых первых в России.¹

В статье мы попытались раскрыть лишь некоторые вопросы многогранной темы. Приведенный фактический материал позволяет сделать вывод о том, что местные газеты являются ценным источником по истории первых революционных преобразований в Костромском крае.

Н. ЯБЛОКОВА

В. А. ГИЛЯРОВСКИЙ И КОСТРОМСКОЙ КРАЙ (1874—1902)

В 1977 году уроженец Костромы Михаил Михайлович Чумаков передал костромскому музею-заповеднику открытку с изображением Владимира Алексеевича Гиляровского, особо ценную из-за автографа писателя.

Владимир Алексеевич Гиляровский прожил большую жизнь (1853—1935). Гиляровский все свои молодые силы отдал газетной работе. Об этом он говорит в произведении «Москва газетная», созданном в 30-е годы: «С гордостью почти полвека носил я звание репортера — звание, которое у нас вообще не было в почете по разным причинам.

Я бесконечно любил это дело и отдавался ему весь, часто без риска, и никогда ни одно мое сообщение не было опровергнуто. Все было строгой, проверенной чистой правдой».

Его произведения «Москва и москвичи», «Мои скитания», «Люди театра», «Москва газетная», в которых, как в зеркале, отразилась жизнь старой России, говорят о большом таланте бытописателя.

К. Паустовский, отмечая это, писал: «Летопись быта с особой резкостью и зримостью приближает к нам прошлое. Чтобы до конца понять хотя бы Льва Толстого или Чехова, мы должны знать быт того времени. Поэтому так ценны для нас работы такого писателя, как Гиляровский — летописца быта и комментатора своего времени»².

Родился Гиляровский в Вологодской губернии и большую часть своего детства и ранней юности провел в Вологде. Вологда второй половины XIX века — место ссылки политических. В доме Гиляровских ссылки были, по-видимому, частыми го-

¹ Красный мир, 1920, 15 декабря.

² Гиляровский В. А. Избранное, т. 2. М., 1960, с. 283.

стями. Они познакомили Гиляровского с демократической литературой, в частности с романом Чернышевского «Что делать?». Роман потряс Гиляровского. Вот как Н. И. Морозов (писатель, воспитанник Гиляровского) передает по памяти рассказ самого Гиляровского: «Я в то время прочитал роман «Что делать?» ...Герой романа Рахметов стал моей мечтой, и я решил пойти по его стопам. У меня была мысль — стать писателем, хотелось послужить народу пером, как служил Н. Г. Чернышевский. А для этого нужно было знать жизнь»¹.

Е. Г. Киселева, исследователь творчества Гиляровского, приводит его слова: «Рахметов, который пошел в бурлаки и спал на гвоздях, чтобы закалить себя, стал моей мечтой, моим героем, и... я решил осуществить свою мечту — бежать на Волгу, в бурлаки, послужить угнетенному народу»².

И 17-летний юноша весной 1871 года уходит из дома, добирается до Ярославля, но в Ярославле бурлаков не оказалось — время бурлачества проходит. На смену бурлацким артелям приходит несколько пароходных товаро-пассажирских и грузовых компаний. На ярославской пристани Гиляровский узнает, что в Костроме остановилась расшива с бурлаками, так как в артели от холеры умерли два коренных бурлака. Спешно он едет в Кострому, недалеко от набережной у трактира встречается с бурлаками и нанимается в артель.

До Рыбинска он шел в лямке около 20 дней, стараясь рассмотреть и понять своих новых товарищей. Впоследствии эти впечатления легли в книгу «Мои скитания», вышедшую впервые в 1928 году. Правда, в этом произведении первое свое знакомство с бурлаками Гиляровский переносит в Ярославль. Дневники же его свидетельствуют о том, что оно произошло в Костроме³.

Девять лет скитался Гиляровский по России, меняя профессии, и за эти 9 лет не раз возвращался на Волгу и в Кострому. Летом 1874 года он ехал из Рыбинска до Костромы на пароходе и в пути познакомился с итальянцами, которые ехали торговать ювелирными изделиями: 31 мая в Костроме началась так называемая «Девятая» ярмарка, на которую отовсюду съезжалось множество торговцев. Гиляровский нанялся продавцом к итальянцам — их очень устраивало его знание французского.

В 1881 году Гиляровский поселился в Москве и вступил на литературный путь. Он печатался в газетах, и его первые работы не прошли незамеченными: о них хорошо отзывались М. Е. Салтыков-Щедрин и Г. И. Успенский. Но первый сборник его рассказов был запрещен цензурой, и Гиляровский полностью отда-

¹ Морозов Н. Сорок лет с Гиляровским. М., 1963, с. 16.

² Гиляровский В. А. Указ, соч. с. 7.

³ Киселева Е. Г. Гиляровский на Волге. Ярославль, 1962.

ется репортерской деятельности. Снова начинаются скитания по Москве, по городам и селениям России, по Волге.

«Весной 1883 года Бурлак (известный провинциальный актер и антрепренер — Н. Я.) пришел ко мне и пригласил меня поступить в организованное им товарищество для летней поездки по Волге», — пишет Гиляровский в главе 11 сборника рассказов «Мои скитания». Во время поездки Гиляровский сделал в дневниках две интересные записи о Костроме, отмечающие характерные черты провинциального быта.

Первая из них сделана вечером 23 апреля 1883 года: «Вся Кострома высыпала посмотреть новый пароход, плоскодонный, с одним колесом, принадлежавший Зевеке... Я еле-еле пробрался к пристани Зевеки. Она была битком набита народа. Впереди у самого края толпилось костромское купечество, молодежь, дальше дамы и их спутники — офицерство здешнее... Все ближе и ближе обрисовывался корпус «Амазонки»..

— И что это ён не свистит? — вопрошает пальто с барашковым воротником своего соседа — толстого купца.

— Эти пароходы без свисту, потому они мериканские, им воспрещается.

— Почему же?

— Потому, что мериканские и никак невозможно.

Как бы в ответ на это раздается оглушительный свист «Амазонки».

— А вот свищет, дядя! — загорланило пальто.

— Дурак! Это не свист, а шип!»¹

Вторая запись, от 7 мая 1883 года, гласит: «Вчера в Костроме шла «Кручина». Роль жены Недыхляева на этот раз играла Свободина. Пьеса прошла блестяще. Прием такой, какой мне еще не снилось видеть. Поднесли Писареву и Бурлаку венки, Козловой и Свободиной по букету. По окончании пьесы вызывали всю труппу и поднесли адрес от публики, который был прочитан учеником гимназии Никифоровым. Вызовом не было конца.»²

В 1977 году у нас появилось свидетельство о посещении Гиляровским Костромы в 1902 году — открытка с его автографом. На открытке — изображение человека среднего возраста с усами и небольшой бородкой, в барашковой шапке, в распахнутом кафтане на меху. Это фото Гиляровского известно и по публикациям, в частности, по работе Н. И. Морозова «Сорок лет с Гиляровским.» Над изображением и внизу (по латинской надписи) черными чернилами автограф: «Вл. Гиляровский. Васильевское на Волге 1902 г. июля 7-го.»

Михаил Михайлович Чумаков, передавший эту открытку в

¹ Киселева Е. Г. Указ. соч., с. 54—55.

² Там же, с. 55.

музей, рассказал, что в 1902 году Владимир Алексеевич случайно познакомился на пароходе с его дядей Иваном Михайловичем Чумаковым. Чумаковы владели табачной фабрикой в Костроме, и Гиляровский очень заинтересовался этим производством. По приглашению Ивана Михайловича он посетил Кострому и загородный дом Чумаковых в Васильевском-на-Волге. В Васильевском он и подарил хозяевам эту открытку.

Тогда же племянница Ивана Михайловича Чумакова Варвара Дмитриевна Скорнякова (в советское время детский врач в Москве) сфотографировала Гиляровского в усадьбе Васильевское. Подлинное фото хранится у Михаила Михайловича Чумакова, а в Костромской музей он передал фотокопию с этого снимка (лицевой и оборотной его стороны). На фото на переднем плане Мария Дмитриевна и Михаил Дмитриевич Скорняковы, а за ними стоит Гиляровский в белом форменном мундире с погонями поперек плеча и в форменной фуражке. По всей вероятности, это коннозаводческий мундир, так как в самом конце 90-х годов XIX и в начале XX века Гиляровский как редактор «Журнала спорта» несколько лет числился по Главному управлению государственного коннозаводства в должности корреспондента и обязан был носить мундир. На оборотной стороне автограф Гиляровского: «В имении Чумаковых, близ Костромы, В. Гиляровский.»

В произведениях Гиляровского посещение Костромы и усадьбы Васильевское в 1902 году не нашло отражения. Возможно, оно отразилось в его дневниках или письмах, но познакомиться с ними мы не имели возможности.

С. МАСАЛЕВА

ПРОИЗВОДСТВО ГОНЧАРНЫХ ИЗДЕЛИЙ В КОСТРОМСКОМ КРАЕ

В Костромской губернии гончарный промысел существовал во всех уездах; им преимущественно занимались мужчины, женщины — очень редко (например, в д. Ивтино Кологривского района). Гончары производили посуду для личного пользования, а также и для продажи. Этим подсобным промыслом занимались в свободное от сельскохозяйственных работ время, начиная с глубокой осени и кончая весной.

Ассортимент посуды был довольно большой. Производилась посуда кухонная, посуда для хранения продуктов: корчаги под пиво, кувшины, горшки разных размеров, кринки для молока, плошки для варки мяса и рыбы, опарницы. Эти изделия отличались друг от друга формой, размерами и отделкой.

Костромские гончары использовали исключительно местную глину, заготавливая ее обычно с наступлением холодов осенью и да-

же зимой. Глины на сезон требовалось очень много, иногда до 10 возов (в д. Уполовничиха Шарьинского района). Мастера даже занимали ее друг у друга и работали, так как глиняная посуда пользовалась повышенным спросом и часто обменивалась на картофель, овес, рожь.

Для добычи глины рыли широкие и глубокие ямы, добираясь до гончарного слоя. Глину сбивали в один большой ком (д. Сергеево Сусанинского района) или придавали ей форму бруска (д. Колесовка, Уполовничиха Шарьинского района), затем свозили к дому или к мастерской. В каждом районе глину хранили по-своему. В деревне Сергеево Сусанинского района, в Уполовничихе Шарьинского района ее держали около дома, в открытом виде «прямо на воле». В деревнях Кукушкино Парфеньевского района, Ивтино Кологривского района глину закрывали, а в деревне Колесовка Шарьинского района для хранения ее строили специальный «срубник», который сверху закрывали досками.

Гончарная глина, в зависимости от посторонних примесей как минеральных, так и растительных, бывает жирная и тощая. Эти же примеси придают глине самые различные цвета. От окислов железа и других металлов она получает светло-желтый и коричневый цвета, от примесей растительных остатков глина приобретает серый, синий, голубой, темно-бурый цвет.

В зависимости от качества глины мастера пользовались определенной техникой при производстве посуды. Для крупных изделий они старались использовать жирную глину, которая обладает высокой пластичностью, вязкостью и легко вытягивается. В то же время изделия из слишком жирной глины при обжиге трескаются, деформируются. Поэтому ее необходимо «ослабить» прибавлением различных отощающих материалов: наиболее подходящим для этого является песок. В деревнях Уполовничиха, Колесовка Шарьинского района, Ивтино Кологривского района мастера используют для работы жирную глину в смеси с красным песком. В деревнях Кукушкино Парфеньевского района, Сергеево, Петровское Сусанинского района, Абрамово Красносельского района пользовались нежирной глиной без добавки песка.

Для выхода хорошего товара глина должна быть вполне однородной, без посторонних примесей, без пузырьков воздуха. Да и обжигается неподготовленная глина неровно. Очень важно при подготовке глины промять ее. Эта очень трудоемкая работа обычно производилась в жилой избе на полу. Мяли глину босыми ногами почти все члены семьи, мяли тщательно, нащупывая ногами камешки, другие посторонние предметы и устраняя их. Получалась однородная масса, так называемое глиняное тесто.

Работал гончар чаще всего в жилой избе, иногда — в специальной мастерской. Мастерские были, например, в деревне Абра-

мово Красносельского района. Они ставились по-за деревне на гумне, в том же порядке, где стояли овнины и бани. В мастерской находился горн для обжига посуды, наверху, над потолком, устранивались полки, где сушили посуду, снятую с гончарного круга.

Костромским гончарам известны ручные круги двух типов: «легкого» и «тяжелого». Диаметр «легкого» круга равен 25—30 см при толщине 2—3 см; инерционная сила вращения его невелика. Большую инерционную силу имеет круг «тяжелого» типа: его диаметр равен 50—55 см при толщине 4—5 см. Для увеличения инерционной силы вращения круг «тяжелого» типа обшивался по ободу металлической шиной. Круги «легкого» типа бытовали в Костромском крае до 30—40 годов XX века, а затем стали вытесняться более производительными кругами «тяжелого» типа.

В эти же годы в некоторых районах Костромской области появляется еще более производительный ножной гончарный круг.

Костромские гончары пользовались как вытяжной техникой формовки посуды (вытягивание сосуда из одного комка глины), так и техникой налепа, сущность которого заключается в том, что стенки сосуда наращиваются путем накладывания одного жгута глины на другой. Мастера пользовались двумя разновидностями налепа: кольцевым и спиральным. Выбор того или иного способа формовки посуды зависел от качества глины: если глина пластична, она легко вытягивается, принимает любую форму; менее же пластичная глина при вытягивании рвется, и с такой глиной работают в технике налепа.

В технике налепа работали мастера П. С. Иванов и А. В. Зайчиков из деревень Сергеево и Петровское Сусанинского района, А. М. Серов и К. Н. Голубев из деревни Кокушкино Парфеньевского района, мастер Н. А. Алексеев из Уполовничихи Шарьинского района.

Мастера деревни Уполовничиха Шарьинского района при формовке посуды в технике налепа накладывали жгуты глины длиной 20 см кольцами один на другой, несколько захватывая нижнее кольцо верхним.

В Кологривском районе при той же технике гончары раскалывали один длинный жгут и перед формовкой изделия разрезали его на несколько частей. В Парфеньевском районе мелкие изделия — горшки, кринки — гончары делали из одного жгута (жменьки) спиральным способом. На крупное изделие — корчагу, опарницу — шло 8 жгутов (жменек), на изделие вместимостью в 3—4 литра — одна жменька.

В вытяжной технике работал мастер д. Абрамово Красносельского района В. С. Михеев.

Вытяжная техника имеет преимущества перед налепом. Посуда, выполненная в вытяжной технике, имеет более тонкие стенки, но отличается повышенной прочностью, так как швы на местах срачивания жгутов, неизбежные у налепной посуды, здесь отсутствуют. При вытяжной технике выше производительность труда: кринка вытягивается за 2—3 минуты, а при налепном способе на ее изготовление идет до 10 минут; корчага налепным способом делается около часа, а при вытяжке на ее формовку требуется 20—30 минут.

При формовке изделий в вытяжной технике мастер сразу придает изделию форму; при налепной же технике вначале выделывался остов сосуда — «банка», и только после изделию придавали желаемую форму.

Окончательная отделка изделия производится при помощи деревянного ножа и тряпки. Ножом мастер срезал излишки глины с сосуда, а мокрой тряпкой выглаживал внутренние и внешние стенки. От гончара требовались умение и сноровка, чтобы получить одинаковые по толщине стенки сосудов: неравномерное распределение глиняной массы в изделии могло вызвать его деформацию.

Изделие каждый мастер начинал по-своему. П. С. Иванов из деревни Сергеево Сусанинского района дно выделывал на ладони, а мастера деревни Ивтино Кологривского района формовали его на кругу одновременно с нижней частью стенок. Гончар Голубев (деревня Кокушкино Парфеньевского района) дно лепил на кругу, а затем в технике налепа производил дальнейшую формовку изделия.

С круга сосуд срезали суровой льняной ниткой или тонкой проволокой, называемой струной. Снятую с круга посуду сушили на лавках и полках обычно двое суток. Досушка производилась в жарко натопленной печи. Хорошо просушенную посуду подвергали обжигу.

Обжиг являлся наиболее ответственным и сложным процессом в гончарном производстве и требовал от мастера большого умения. Здесь важно было и как истоплена печь, какое количество посуды заложить в печь, как ее установить, когда прекратить топку, чтобы меньше получалось браку.

В большинстве районов Костромской области обжиг производили в обычных печах жилых изб (д. Сергеево и Петровское Сусанинского района, д. Колесовка Шарьинского района). Но иногда для этой цели выкладывали из кирпича в земле специальные печи — горны.

И в горнах, и в печах укладку посуды делал сам мастер. Укладывали посуду почти везде одинаково — рядами, ряд на ряд. Изделия нижнего ряда ставили на дно, в остальных рядах — квар-

ху дном. Изделия для обжига, как правило, закладывали на ночь в предварительно протопленную печь и с утра печь начинали топить снова. Печь или горн нагревали постепенно: для этого сначала сжигали 2—3 полена а затем подкладывали остальные дрова. Изделия накаливались докрасна. Обжиг продолжался часов 6—8. В большинстве случаев изделия оставляли в печи до полного остывания.

При печном обжиге посуда прокаливалась недостаточно хорошо, особенно в середине, изделия получались не очень прочными, и тяжеловатыми. Только обжиг в горне, при более высокой температуре дает полную прокаленность изделия. Посуда горнового обжига прочнее, легче по весу.

Костромские гончары пользовались двумя способами украшения посуды: обварным и поливным.

В тех районах (д. Колесовка, Уполовничиха Шарьинского района, д. Ивтино Кологривского района, д. Кокушкино Парфеньевского района), где мастера работали с жирной глиной синего цвета, изделия не красили, так как синяя и черная глины покраску не принимают, — их «обваривали»: раскаленные докрасна изделия вынимали из печи и погружали в мучной раствор. Для раствора употреблялась ржаная мука. Иногда в раствор бросали березовые листочки (Кологривский район) или само изделие обхлестывали березовым веником (Шарьинский район): от этого оно становилось пестрым и нарядным. «Обварка» способствовала закаливанию изделия, так как мука, заполняя поры глиняного изделия, делала его прочнее.

При поливном способе мастера, работающие с красной глиной (д. Сергеево, Петровское Сусанинского района, д. Абрамово Красносельского района, д. Кокушкино Парфеньевского района), перед обжигом покрывали посуду суриком и порошкообразным свинцом. Сурик и свинец при высокой температуре расплавились и растекались по изделию, придавая ему блеск. Сурик наносили на просушенное изделие самодельной кистью следующим образом: мастер ставил сосуд вверх дном и, медленно вращая круг, красил его внешнюю поверхность, затем переворачивал его на дно и красил изнутри. Применяли и сухой способ окраски: изделие изнутри и снаружи обмазывали тонким слоем дегтя, а затем посыпали свинцом. Иногда к свинцу добавляли медный опилочек, который придавал поливе зеленый цвет; добавка марганца делала посуду темно-коричневой.

Особенно нарядна и красочна посуда мастера В. А. Михеева (д. Абрамово Красносельского района). Материалом для окраски здесь служил медный опилочек, марганец, сурик, белая глина.

В деревне Сергеево Сусанинского района мастер Иванов для ornamentации посуды использовал мел.

Посуду для молочных продуктов красили снаружи и изнутри. Маленькие горшки — кашники красили сплошь; у крупных сосудов красили только плечики — и — изнутри — донную часть.

В настоящее время гончарный промысел в области практически прекратил существование. Работают лишь единичные, но самобытные мастера Павел Сергеевич Иванов (деревня Сергеево Сусанинского района), Александр Васильевич Зайчиков (деревня Петровское Сусанинского района), Вячеслав Александрович Михеев (деревня Абрамово Красносельского района), Александр Матвеевич Серов, Константин Никитич Голубев (д. Кокушкино Парфеньевского района).

Работа этих мастеров заслуживает самого внимательного изучения, поскольку она основана на вековых традициях народа.

А. ШИПИЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОСТРОМСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ (КНОИМК) (1912—1917)

В апреле 1912 года костромской краевед В. И. Смирнов писал в газете «Наша Костромская жизнь»: «Потребность в изучении природы и жизни нашего края давно назрела. Между тем, разрозненность и часто беспомощное положение отдельных лиц, желающих изучать родной край, представляют большие затруднения для успешности занятий. Отсюда — настоятельная нужда в учреждении такого общества, которое объединило бы всех желающих работать в этом направлении»¹.

Мысль об организации в Костроме общества, которое занялось бы всесторонним изучением края, возникала и раньше. В 1910 году врач М. Н. Комаров даже организовал большой кружок «Любителей естествознания», но смерть его в следующем году и некоторые другие обстоятельства прервали работу кружка, официально так и не открытого. В начале 1912 года созданием общества занялись уже многие; после обмена мнений они решили объединиться на почве общих интересов и занятий.

Весной 1912 года устроители губернской выставки предложили организовать на выставке 1913 года особый отдел, чтобы представить Костромскую губернию в естественно-историческом, географическом и этнографическом отношениях. Комитет выставки обратился за помощью к местным научным силам, и с этой целью 4 марта 1912 года было созвано специальное совещание, которое нашло необходимым создание в Костроме научного общества².

¹ Наша Костромская жизнь, 1912, 25 апреля.

² Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) за 1912 г. Кострома, 1913, с. 3—4.

16 апреля 1912 года «Костромское губернское по делам об обществах присутствие» рассмотрело и официально утвердило устав Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК). Согласно уставу, деятельность Общества предполагалось направить на «изучение костромского края в естественно-историческом, историко-археологическом, этнографическом, культурном и прочих отношениях..., а также распространение естественно-исторических знаний и научных сведений»¹. Для достижения этой цели устав предполагал следующие пути:

1. организация экскурсий для изучения природы и жизни губернии;

2. устройство музеев;

3. устройство библиотек, лабораторий, станций и других научно-просветительных учреждений;

4. устройство выставок, чтение рефератов и докладов на общих собраниях Общества;

5. издание печатного органа КНОИМК и отдельных научных книг².

Общество имело право создавать свои филиальные отделения в уездных городах и крупных селениях. Оно открывало свои двери для «лиц обоюбого пола, совершеннолетних, всех национальностей и вероисповеданий»³. Исполнительным органом КНОИМК являлось правление.

Первое организационное собрание КНОИМК состоялось 5 мая 1912 года. Присутствовало 32 человека. Собрание избрало правление в составе: председатель общества — И. В. Шулепников, помещик Кинешемского уезда; товарищ председателя — А. А. Иванчин-Писарев, заведующий отделом народного образования Костромского губернского земства; секретарь — В. И. Смирнов, преподаватель 1-й мужской гимназии; казначей — А. А. Апушкин, член губернской земской управы; члены правления: А. С. Валевачев, гидротехник губернского земства; Н. Ф. Иорданский, преподаватель общественной мужской гимназии; Д. С. Селезнев, преподаватель 1-й мужской гимназии...⁴

15 мая правление КНОИМК провело свое первое заседание и решило как можно шире оповестить население о задачах и деятельности Общества, выработать краткие программы по зоологии, метеорологии, геологии, минералогии, по исследованию рек и озер, по этнографии и ботанике⁵.

Неполный 1912 год правление Общества почти целиком потра-

¹ Государственный архив Костромской области (далее ГАКО), ф. 508, оп. 1, д. 1, л. 1.

² ГАКО, ф. 508, оп. 1, д. 1, лл. 1—1 об.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же, д. 2, л. 1.

⁵ Там же, д. 3, л. 1, об. — 2.

тило на организационную работу и выработку плана деятельности. В этот период состоялось 12 заседаний правления. Справедливо полагая, что только при участии провинциальных сил возможно всестороннее изучение губернии, правление обнародовало обращение, которое вместе с уставом Общества и разослало учителям средних учебных заведений, учащимся народных школ, лесничим, агрономам, врачам, техникам, страховым агентам, земским служащим, присяжным поверенным, податным инспекторам, фабрикантам и заводчикам и другим — всего более 3000 экземпляров¹. Однако в ответ на обращение лишь 10 человек, живущих вне Костромы, изъявили желание вступить в члены Общества.

Правление решило создать при КНОИМК библиотеку и музей и поручило секретарю Общества обратиться в научные учреждения страны с просьбой выслать бесплатно свои издания.

В ноябре — декабре 1912 года правление разослало членам Общества анкету с просьбой указать, в каких секциях они желали бы принять участие. В анкете предусматривались следующие секции:

1. естественно-историческая с подсекциями ботанической, зоологической и геологической;
2. физико-математическая с подсекциями метеорологической, астрономической, фотографической;
3. этнографическая с подсекциями диалектологической и фольклорной;
4. географическая;
5. педагогическая².

Ответы пришли от 52 членов; некоторые желали организовать еще секции экономическую и библиотечно-архивную (историко-археологическую).

28 октября 1912 года состоялось первое общее собрание КНОИМК. А. А. Иванчин-Писарев выступил с докладом «Теоретические и практические задачи КНОИМК и план работ на ближайшее время». Основные положения доклада исходили от устава Общества. Докладчик отмечал, что в задачи Общества входит «исследование края во всех отношениях, содействие такого рода изучению и всяческое возбуждение интереса к нему и любви к родине; нужно, — сказал он, — объединить разрозненные действия отдельных исследователей, помочь им направить работу по определенному руслу»³.

16 декабря на втором и последнем общем собрании 1912 года состоялось 3 доклада.

Масштабы деятельности Общества в 1913 году расширились,

---

¹ ГАКО, ф. 508, оп. 1, д. 3, л. 4.

² Там же, д. 5, л. 1.

³ Отчет о деятельности КНОИМК за 1912 год. Кострома, 1913, с. 22—23.

число членов его достигло 265 человек¹. Состоялось 19 заседаний правления КНОИМК и 11 общих собраний. Обществу оказали материальную поддержку губернское земство (150 рублей) и Кинешемское уездное земство (50 руб.), и общий бюджет его в 1913 году составил около 470 руб.².

В марте 1913 года правление получило резолюцию собрания московского землячества студентов-костромичей о желании их выступить в члены Общества. Через месяц аналогичное желание выразили студенты-костромичи петербургских высших учебных заведений. Студенты настаивали на изменении устава Общества с тем, чтобы филиальные отделения КНОИМК можно было открывать не только в пределах губернии, но и в университетских городах; ставился также вопрос о снижении для студентов годичного членского взноса³.

В том же году произошло объединение КНОИМК с «Костромским кружком любителей естествознания», возникшем в 1899 году по инициативе преподавателей местных средних учебных заведений. В библиотеку общества перешло более 1000 книг и брошюр библиотеки кружка⁴.

В начале 1913 года правление приложило немало усилий к организации секционных собраний, но, как отмечал В. И. Смирнов, «...деление на секции для провинциального общества оказалось не по силам...»⁵.

В мае 1913 года КНОИМК разослало 1000 экземпляров краткой программы «Предварительные указания к изучению Костромской губернии в естественно-историческом отношении». Программа в простой и доступной форме давала ряд указаний по собиранию зоологических и геологических коллекций, историко-археологических сведений и материалов, этнографических данных и т. д.⁶.

В 1913 году на общих собраниях было заслушано 12 докладов. Из них наибольшего внимания, на наш взгляд, заслуживает доклад В. И. Смирнова «Каменный век и курганная эпоха в Костромской губернии (Из истории исследования Костромского края)». Автор подробно охарактеризовал археологическую работу Г. М. Девочкина, Э. Эйтвальда, П. С. Савельева и деятельность ученой архивной комиссии, в которую входили Н. М. Бекаревич, И. В. Миловидов, А. Н. Рождественский и другие⁷.

19 декабря 1913 года правление, предлагая в ближайшем будущем издание трудов Общества, избрало редакционную комис-

¹ Отчет о деятельности КНОИМК за 1913 год. Кострома, 1914, с. 4.

² ГАКО, ф. 508, оп. 1, д. 8, л. 7 об.

³ Там же, д. 3, лл. 24—24 об.

⁴ Отчет о деятельности КНОИМК за 1913 г. Кострома, 1914, с. 9.

⁵ ГАКО, ф. 508, оп. 1, д. 2, л. 18 об.

⁶ Отчет о деятельности КНОИМК за 1913 год. Кострома, 1914, с. 10.

⁷ Там же, с. 74—79.

сию в составе А. А. Языкова, Е. Ф. Дюбюка, А. А. Ширского, В. И. Смирнова, В. И. Болотова.¹ В 1914 году вышел первый выпуск «Трудов» КНОИМК с весьма многоплановым содержанием. Особо следует отметить статью Е. Ф. Дюбюка «Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губернии в дореформенное время». Он дал характеристику промышленности (полотняного производства) в губернии с конца XVIII века, показал ее эволюцию: от крепостной фабрики и домашнего полотняного производства до возникновения хлопчатобумажного фабричного производства и применения во второй половине XIX века паровых машин. Рассказано в статье и о развитии кожевенной и химической промышленности. Отмечены в ней как тяжелое положение рабочих на фабриках, так и случаи их стихийных выступлений.

В том же 1914 году вышел второй выпуск «Трудов» КНОИМК, целиком занятый статьей А. Жадовского «Ботанические исследования в Костромской губернии летом 1913 года».

Начавшаяся первая мировая война серьезно отразилась на делах Общества: в 1914 году состоялось лишь 7 общих собраний. Общество разослало 5000 экземпляров «Анкеты по вопросу о влиянии войны на жизнь местного края». Событием в жизни КНО явилось открытие 10 июля 1914 года первого филиального отделения в Вичуге.

К концу 1915 года число действительных членов Общества достигло 297 человек². В 1915 году КНОИМК получило, наконец, правительственную помощь: Департамент земледелия выделил 1500 руб., Министерство просвещения — 500 руб. Как отмечалось на общем собрании, помощь пришла «в самый критический момент...», когда общество задолжало около 850 рублей за издание «Трудов», не имея ни копейки для расплаты³.

В начале сентября 1915 года тиражом в 900 экз. вышел третий выпуск «Трудов» КНОИМК. Большую часть сборника составляли статья Е. Ф. Дюбюка «Ветлужская вотчина Дурново в канун крестьянской реформы и в первые годы после нее» и публикация документов Ветлужской вотчины Дурново, собранных и присланных в КНОИМК известным собирателем исторических рукописей Д. П. Дементьевым⁴. В декабре того же года вышел четвертый выпуск «Трудов» КНОИМК, почти целиком посвященный ботаническим исследованиям в губернии.

В 1916 году КНО объединилось с Костромской губернской ученой архивной комиссией. Дело в том, что 30 апреля 1916 года

¹ ГАКО, ф. 508, оп. 1, д. 3, л. 44.

² Там же, д. 24, лл. 1—26.

³ Там же, д. 2, л. 61.

⁴ Подробнее о Д. П. Дементьеве см. очерк В. Н. Бочкова «Подвижники костромского краеведения». В кн. «Второе свидание. Глазами краеведов». Ярославль, 1974, с. 72—80.

правление Общества заслушало доклад Н. Н. Виноградова о положении губернской ученой архивной комиссии и Романовского музея. Было отмечено, что архивной комиссии фактически не существует: общих собраний не бывает, за несколько последних лет не сделаны отчеты о работе, членские взносы не поступают, Романовский музей не состоит ни в чем ведении. Правление постановило принять меры к спасению ценных собраний музея, передав их в ведение губернского земства¹. Решение правления нашло поддержку и среди членов архивной комиссии: на специально созванном собрании и было выражено пожелание объединиться с КНОИМК и работать при нем в качестве его историко-археологической комиссии².

В 1916 году Общество выпустило пятый сборник «Трудов». Его авторы, проанализировав полученные анкеты, разосланные по губернии еще в 1914 году, дали картину экономического положения костромской деревни в начальный период войны: отметили значительное ухудшение положения костромского крестьянства ввиду мобилизации наиболее его трудоспособной мужской части, а также вследствие неурожайного года.

После февральской буржуазно-демократической революции обществу поручается разработка сохранившихся от пожара документов губернского жандармского управления и публикация списков провокаторов. В заседании правления от 27 марта 1917 года решено образовать особый архив революции и с этой целью обратиться за помощью в сборе материалов к населению³.

В 1917 году оно выпустило три сборника «Трудов»: выпуск 6 — «Лесной сборник», выпуск 7 — «Исторический сборник» и выпуск 8 — «Этнографический сборник».

КНОИМК стояло на пороге качественно нового этапа своего развития. Деятельность Общества в дооктябрьский период в определенной мере обеспечила дальнейшее развитие краеведения, и краеведческое движение после победы Октября сделало огромный шаг вперед.

Е. ФЛЕЙМАН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1924)

До Великой Октябрьской социалистической революции работа Костромского научного общества по изучению истории местного края (КНОИМК) сосредотачивалась главным

¹ ГАКО, ф. 508, оп. 1, д. 25, л. 11.

² Там же, д. 48, л. 262.

³ Там же, д. 25, лл. 37 об — 38.

образом в губернском центре. Революция поставила перед краеведами новые задачи, ибо творческие силы широких масс проявились и в активизации краеведческой деятельности в уездах. В 1917—1924 гг. образовались большинство уездных отделений КНОИМК. Так, в 1919 году возникло Чухломское отделение Общества, в 1921 году Галичское и Солигаличское отделения, в 1922 году — Буйское, в 1923 году открылось отделение в Нерехте. В эти годы краеведение становится широким общественным движением.

В «Инструкции уездных отделений КНОИМК», принятой Костромским научным обществом в 1917 году, говорится: «Уездное отделение преследует те же самые цели, что и общество, то есть изучение Костромского края преимущественно в своем уезде, разработку общих научных вопросов и распространение естественно-исторических знаний и научных сведений»¹.

1 июня 1921 года состоялось первое организационное собрание солигаличских краеведов, избравшее председателем Солигаличского отделения КНОИМК Л. М. Белоруссова². Галичское отделение возглавил В. В. Касторский³.

О растущей популярности краеведения свидетельствует рост рядов КНОИМК в уездах.

Так, в Солигаличском отделении в 1921 году насчитывалось 16 членов, в 1924 году — 62⁴, в Галичском отделении соответственно — 9 и 35⁵.

Научная работа Солигаличского и Галичского отделений регулярно обсуждалась на общих собраниях в виде научных сообщений и докладов. Ценность этих собраний заключалась и в научно-просветительном эффекте, т. к. на собраниях присутствовали все желающие.

Так, в Солигаличе с 1921 г. по 1924 г. состоялось 30 научных собраний; на них был прочитан и обсужден 41 доклад⁶.

Галичане за тот же период провели 35 собраний и обсудили 35 докладов⁷.

Вот некоторые темы научных докладов и сообщений, сделанных на собраниях солигаличскими краеведами: «Археологическое прошлое Костромского края», «Материалы по истории Солигалич-

¹ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1917 г. Кострома, 1918, с. 55.

² Шумский И. Краеведение в Солигаличском уезде. Солигалич. 1925, с. 4.

³ Отчет... за 1922 год. Кострома, 1923, с. 21.

⁴ Шумский Н. Указ. соч., с. 4; Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. р-838, оп. 1, д. 38, л. 25.

⁵ Отчет... за 1921 год. Кострома, 1922, с. 1. ГАКО, ф. р-838, оп. 1, д. 21, л. 56.

⁶ Шумский И. Указ. соч., с. 4.

⁷ Подсчитано автором на основании «Отчетов...» за 1921, 1922, 1923, 1924 гг.

ского солеварения», «Архитектура Солигаличских храмов», «Частушки уезда», «Метеорологические элементы с. Раменье»¹.

В Галиче обсуждались тогда же «Материалы по обследованию Галичского озера», «Доисторическая культура Галичского края», «Творчество Галичских поэтов — А. И. Соловьева, В. Ф. Разумова и Н. Страхова» и многие другие².

Как видим, научные интересы краеведов отличались разнообразием и многосторонностью.

Научные изыскания находили место и на страницах печатных органов отделений, в их «Трудах», хотя большую часть рукописей и докладов опубликовать не удалось из-за неудовлетворительного материального положения краеведческих обществ. Так, в Галичском отделении, благодаря настойчивости краеведов, удалось отпечатать в 1921 — 1924 гг. три выпуска «Трудов».

Выпуск 1-й заключал «Метеорологические и водомерные наблюдения в г. Галиче и на Галичском озере за 1913 — 1922 гг.», которые проводил автор этой работы И. М. Ожогин. Десятилетние наблюдения (с декабря 1912 года по ноябрь 1922 года над атмосферными осадками позволили автору заключить, что в городе Галиче осадков выпадает больше, чем в Солигаличе и в Костроме. Объяснение этой разницы краевед нашел в топографическом положении города: «Галич расположен в долине, открытой с запада и закрытой с востока, поэтому западные ветры при их восхождении на возвышенности, окружающие Галич с востока, должны осаждают влагу. Самый обильный по осадкам месяц в Галиче сентябрь (среднее 76,3 мм), по Солигаличу — август (74,4 мм), по Костроме — август (70,9 мм)³. Наблюдения над Галичским озером дали основание установить период замерзания озера (между 20 октября и 19 ноября), начала таяния льда на нем (1 и 23 апреля), и дату вскрытия (между 12 апреля и 1 мая). Подо льдом озеро находилось от 171 до 196 дней, в среднем 181 день»⁴.

Второй выпуск «Трудов» отделения, изданный в 1923 г. в Галиче, заключал «Материалы по обследованию Галичского озера» С. Г. Вальмуса и Н. Ф. Правдина.

Третий выпуск заняла работа А. И. Соловьева «Питерщико-галичане», где автор дал характеристику отхода галичских крестьян на заработки. Галичане славятся как маляры, столяры, кровельщики и т. д. Подавляющее большинство отходников с давних времен работало в Петрограде («Питере», как говорили в народе).

¹ Шумский И. Указ. соч., с. 4—5.

² Отчеты... за 1921, 1922, 1923, 1924 гг.

³ Ожогин И. М. Метеорологические и водомерные наблюдения в городе Галиче и на Галичском озере за 1913—1922 годы. Кострома, 1923, с. 3.

⁴ Ожогин И. М. Указ. соч., с. 5.

Одной из главных причин отходничества в галичском уезде А. И. Соловьев считал крайнее малоземелье и плохо развитую промышленность в самом уезде. Еще во времена крепостного права помещики уезда не являлись крупными землевладельцами. Своих крепостных крестьян они держали не на барщинном, а на оброчном положении.

Отхожий промысел представлял наибольшие возможности для уплаты оброка и отсюда он берет свое основное начало вместе с развитием разнообразных профессий. На основании собственных воспоминаний А. И. Соловьев показал безрадостную картину жизни рядовых «питерщиков».

В основном свой очерк автор посвящает наиболее распространенному среди галичских питерщиков малярному промыслу.

Первым печатным трудом Солигаличского отделения явилась книга «Солигаличский уезд. Материалы для выяснения экономического его состояния», изданная в 1923 году. По поручению XII уездного съезда Советов член отделения КНОИМК В. С. Розепин составил историко-экономическое описание уезда, имевшее большое значение для определения роли и места уезда в экономической жизни Костромской губернии того времени.

В 1924 году были изданы второй и третий выпуски «Трудов». Второй выпуск это — исторический сборник со статьями «Крестьянское возмущение 1826 года», «В. И. Засулич в Солигаличе», «В Наполеона грозный век». В третьем опубликована работа солигаличского краеведа И. Шумского «В. А. Вылузгин — биографический очерк». В. А. Вылузгин — активный боец за Советскую власть, создатель солигаличской большевистской организации, непосредственный участник всех социалистических преобразований в уезде в 1917—1918 гг. Погиб. В. А. Вылузгин от рук белогвардейцев. «Вся деятельность В. А. Вылузгина, проходившая на виду у трудовых масс, направленная на достижение их интересов — делает его вождем крестьянства и рабочих уезда»,¹ — указывает И. Шумский. В очерке дается краткая история установления Советской власти в Солигаличе.

Солигаличское отделение выпускало также краеведческий бюллетень. Первый номер его под названием «Краеведение» вышел в 1924 году.²

В 1920 году X Костромской губернский съезд Советов признал необходимым в целях изучения местного края образовать музеи во всех уездах.³

¹ Шумский И. В. А. Вылузгин — биографический очерк. Солигалич, 1924, с. 26.

² ГАКО, ф. р-838, оп. 1, д. 259, л. 26.

³ Резолюции X губернского съезда Советов Костромской губернии. Кострома, 1920, с. 16.

Первые шаги по организации музея в Солигаличе были приняты в 1921 году. Краеведы подыскивали помещение для хранения пока немногочисленных экспонатов, однако его вскоре пришлось отдать другой организации, и экспонаты стали храниться на квартирах членов краеведческого общества. Осенью 1923 года, благодаря поддержке КНОИМК, Солигаличский музей попал на штатный бюджет и 4 ноября 1923 года музей официально открылся¹.

Экспонаты в музей поступили из усадьбы Черевинных, из некоторых организаций, а также от частных лиц, и в декабре 1923 года их насчитывалось 372, в том числе 20 портретов солигаличских помещиков работы XVIII—XIX вв.² Заведующим краеведческого музея стал член отделения КНОИМК И. В. Шумский.

Галичский музей был открыт 12 марта 1922 года,³ и на 1 января 1923 года здесь насчитывалось немногим более 200 экспонатов.⁴ Заведующим музея стал председатель правления отделения КНОИМК В. В. Касторский.

Музеи в уездах росли, пополнялись экспонатами и вся работа краеведов протекала в них и вокруг них, так что невозможно было разграничить их деятельность.

Правда, первое время в жизни Солигаличского и Галичского отделений ушло исключительно на организационную работу, на поиск путей к достижению намеченных целей, по постепенно выяснялись и задачи краеведения, и методы учета, и классификации различных явлений. Стала основательнее и значительнее исследовательская работа.

К 1924 году работа солигаличских и галичских краеведов (также как и членов других уездных краеведческих обществ) становится поистине многогранной и полнокровной. Изучение истории и археологии края, местной природы и производительных сил, жизни и быта населения, литературные исследования, издательская, музейная и научно-просветительная деятельность — таков круг их занятий.

Важным моментом в объединении краеведческих сил стал I губернский краеведческий съезд, состоявшийся в Галиче 15—17 июня 1924 года⁵. Краеведческая работа в послеоктябрьский период, массовое краеведческое движение в Костромском крае требовали координации действий.

---

¹ ГАКО, ф. р-838, оп. 1, д. 259, л. 42.

² Там же.

³ Там же, д. 238, л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же, д. 38, л. 6.

«Губернский съезд в уездном городе был организован по тем соображениям, — говорится в отчете съезда, — что во-первых, Галич занимает более центральное положение в крае, и что следовательно, для представителей уездных краеведческих организаций будет удобнее прибыть сюда, во-вторых,.. здесь более широко будут выявлены интересы уездного краеведческого дела, обычно стужеывающиеся на съездах в центрах...»¹.

На съезде в Галиче участвовали представители почти всех уездов Костромской губернии, а также центрального бюро краеведения из Москвы и из Костромы. Большинство из 20 докладов на научно-краеведческие темы² имело практическое значение, в том числе и в решении экономических проблем губерний.

Так, председатель Галичского уездного исполкома Бушуев выступил с докладом «Результаты экономического обследования Галичского уезда», представляющим анализ экономики края³. Съезд призвал в своей резолюции все уездные краеведческие общества последовать примеру Галича и провести подобные экономические обследования, имеющие большое народнохозяйственное значение.

В. В. Касторский выступил с докладом «Об охране памятников старины, прироры и быта»⁴. Эта тема сохранила свою актуальность и в настоящее время.

Значение съезда заключалось не только в подведении итогов работы за период 1917—1924 гг., но и в деловых рекомендациях для уездной общественности. Рекомендовано было, например, составить краткие путеводители по всем уездам, предложено составить библиографию и историко-географический словарь по каждому уезду, и кроме того, начать сбор материалов для биографического словаря замечательных людей Костромского края.

Большинство постановлений и рекомендаций съезда было выполнено, что говорит о его благотворном влиянии на развитие уездных краеведческих организаций.

Становление и развитие краеведческого движения в уездах Костромской губернии в первые годы Советской власти способствовало и пропаганде научных знаний среди трудящихся, и развитию культурной революции.

---

¹ ГАКО, ф. р-838, оп. 1, д. 38, л. 50.

² Там же, оп. 5, д. 15, лл. 20—23.

³ Там же, л. 22.

⁴ Там же.

В системе государственных мероприятий по охране окружающей среды немаловажная роль принадлежит природоохранительному просвещению.

Существенная роль в этом отношении принадлежит отделам природы краеведческих музеев. Усиление роли музеев в охране окружающей среды вызвано в первую очередь значительным ростом интереса у широких слоев населения к природоохранительным проблемам. Где, как не в музее, люди в своем большинстве могут найти ответ на вопрос: «Что делать в повседневной жизни, чтобы предотвратить опасную деградацию среды и живой природы?» Это в свою очередь определяет и поиски новых форм деятельности музеев по пропаганде знаний о природе и ее охране.

Экспозиции отдела природы Костромского Государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника знакомят посетителей не только с ландшафтами области, но и раскрывают взаимосвязи в природе, показывают природу как единое целое, но и дают представление о памятниках природы области, государственных лесохозяйственных хозяйствах, заказниках и т. д. В экспозициях можно увидеть основные виды животных и растений, подлежащих особой охране, а также узнать о важнейших декретах и постановлениях партии и правительства, местных органов власти по охране природы, ибо охрана природы стала конституционной обязанностью всех советских граждан.

Костромская область — край спокойных, больших и малых, рек, заливных и суходольных лугов, прозрачных озер, лесов и полей. Основным же богатством и гордостью края являются леса, занимающие 68 процентов территории области. 27-го мая 1918 года ВЦИК РСФСР принял Декрет «О лесах» за подписью В. И. Ленина и этот закон уже в то, тяжелое для молодой Советской республики, время установил основные принципы организации лесного хозяйства на территории РСФСР. И, как свидетельство большой заботы партии и правительства об охране лесов в наши дни, является введение в действие 1 января 1978 года «Основ лесного хозяйства СССР», утвержденных шестой сессией Верховного Совета СССР в июне 1977 года. Оба эти важнейшие документа представлены в экспозиции «Животный и растительный мир Костромской области» отдела природы, в теме «Характеристика лесов.»

Великий русский педагог XIX столетия Константин Дмитриев-

вич Ушинский неоднократно говорил: «Прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога.» Поэтому, чтобы сохранить прелесть и красоту отдельных природных ландшафтов, а также чтобы уберечь исчезающие виды животных и растений, в Советском Союзе в настоящее время организовано свыше тысячи заказников областного и районного значения и пятьсот государственных заказников. В Костромской области имеется 17 заказников местного значения, три специальные государственные лесохозяйственные хозяйства; под особую охрану взято более двухсот памятников природы. Обо всем этом обширнейший подробный материал представлен в теме «Охрана природы Костромской области».

Особый стенд в теме «Характеристика смешанных и лиственных лесов Костромской области» специально смонтирован для показа видов травянистых растений, деревьев и кустарников, также взятых на территории края под особую охрану. По решению исполкома Костромского областного Совета народных депутатов от 30 января 1978 года в области под охрану взято 40 видов травянистых растений и 17 видов деревьев и кустарников. Среди травянистых растений и кустарников наиболее охраняемые: вереск обыкновенный, зверобой, кувшинка белая, кубышка желтая, купальница европейская, ландыш майский. Из древесных пород, находящихся под охраной, внимание посетителей привлекают пилы и фотографии карельской березы, березы пламенной, березы волнистой. Но особенно долго и внимательно экскурсанты рассматривают стенд, где представлены виды зверей, отстрел которых в области производится только в строго определенное время года и только по лицензиям. К таковым относятся: бурый медведь, куница, бобр, выдра, кабан, лось и т. д. Здесь же можно увидеть муляжи птиц и зверей, на которых в области вообще запрещена охота: глухарка, белая и серая куропатка, серый журавль, лебедь, тетерка, заяц-русак, барсук и другие. Муляжами представлены также виды, обитающие на территории Костромского края и занесенные в «Красную книгу СССР»: сокол-сапсан, скопа, обыкновенный змеяд, орел-беркут, выхухоль.

В Костромской области по решению облисполкома от 30 января 1978 года под охрану взяты из насекомых — пчелы всех пород, шмели, осы, стрекозы, жуки-жужелницы, божьи коровки, муравьи рыжие лесные. Обо всем этом наглядное, образное представление можно получить, ознакомившись с экспозицией отдела природы, где представлена интереснейшая коллекция насекомых нашего земляка Ивана Михайловича Рубинского.

«Рыбе нужна вода, птице воздух, зверю лес, степь, горы, а человеку нужна Родина. И охранять природу — значит охранять Ро-

дину», — писал в свое время известный советский писатель, большой знаток и любитель природы М. Пришвин.

Под экспозицию «Географическая характеристика, рельеф, воды, почвы, полезные ископаемые Костромской области» в отделе природы отводится целый зал, а материалы по охране вод, почв и полезных ископаемых края занимают больше половины экспозиции. Здесь представлены важнейшие постановления партии и правительства, местных органов власти по охране вод, почв, полезных ископаемых нашей области. Среди них — постановление Костромского облисполкома от 26 сентября 1977 года «О мерах по охране водных ресурсов области и рациональному их использованию.» В нем отмечено, что 9 малых рек нашего края — Меза, Кешка, Стежера, Кубань, Качалка, Покша, малая Покша, Андоба и Шача — являются памятниками природы, и для чистоты их вод и максимальной сохранности подводной флоры и фауны каждая из них закреплена для охраны за конкретной организацией.

В теме «Характеристика почв» можно увидеть постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1972 года «О дальнейшем усилении работы по мелниорации земель и улучшению использования орошаемых и осушенных земель», «Основы земельного законодательства СССР о недрах», принятые в июле 1975 года, и решение ЦК КПСС и Совета Министров Советского Союза «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» от 1974 года.

Немало ярких, убедительных природоохранных примеров можно найти во время знакомства с отделом природы Костромского музея-заповедника. Для жителей же города и области, а также для гостей, каждый такой пример может стать хорошей школой рачительного, хозяйского отношения к природным богатствам. В выходные и праздничные дни большое количество людей, уезжающих в ближайшие леса, на берега рек и озер, чтобы отдохнуть на природе и получить заряд энергии, уже могут выступать не только в роли простых потребителей природных даров, но и их хранителей и приумножателей в интересах будущих поколений.

Научить человека видеть прекрасное в обычных явлениях природы, понимать и чувствовать красоту ее форм, красок, звуков. У отделов природы краеведческих музеев в этом отношении безграничные возможности. И основной формой пропаганды знаний о природе является экскурсия. Научными сотрудниками отдела природы Костромского музея-заповедника подготовлены методические разработки и тексты по одиннадцати тематическим экскурсиям для студентов и школьников г. Костромы и области, куда включены актуальнейшие вопросы природоохранительного характера: «Природа Костромской области и ее охрана», «Польза птиц в народном хозяйстве», «Редкие и охраняемые виды насекомых в коллекции

И. М. Рубинского», «Рациональное использование природных ресурсов Костромской области», «Типы лесов, их обитатели, их охрана», «Отряды млекопитающих», «Основные виды промысловых пушных животных и организация пушного промысла в Костромской области».

Для творческого изучения материалов экспозиции школьниками научные сотрудники отдела совместно с преподавателями кафедры общей биологии Костромского Государственного педагогического института им. Н. А. Некрасова составили и разослали в школы города и области методические рекомендации 22-х уроков-экскурсий, на основании которых учащиеся самостоятельно или вместе с учителем углубленно изучают материалы отдела природы, затем готовят рефераты и сообщения на уроках и в биологических кружках по заданной теме.

Немаловажную роль в углублении знаний о природе страны в целом и о природе Костромской области в частности играют и биологические викторины, проводимые сотрудниками отдела природы в городских и сельских школах, а также в лекционном зале музея-заповедника. Тематика их самая разнообразная: «Знаете ли вы птиц Костромской области?», «Знаете ли вы зверей нашего края?», «О самых маленьких существах в природе», «В чем заключается польза хищников?», «Об охраняемых видах растений и животных Костромской области» и т. д. Несомненная ценность их в том, что учащиеся предварительно, самостоятельно или вместе с учителем, готовятся к викторине. В школу заранее высылаются вопросы викторины, ее тема, рекомендованная литература, которую необходимо проработать для подготовки ответа на тот или иной вопрос, а затем уже на практике, в условиях окружающей действительности, подробно познакомиться с повадками и образом жизни зверей и птиц фигурирующих в викторине, и таким образом показать огромную пользу, которую приносят они человеку. А понять — значит полюбить, проникнуться уважением к меньшим братьям своим, всячески их оберегать и содействовать им.

И не случайно, придя в зал, где проводится викторина, школьники мыслят как начинающие хозяева окружающего мира, его хранители и оберегатели. А ведь с этого начинается формирование советского патриотизма, великого чувства ответственности за судьбу своей Родины, ее народа и, конечно же — ее природы. Еще в годы войны в стихотворении «Родина» Константин Симонов писал: «Ты вспоминаешь не страну большую, какую ты изъездил и узнал, ты вспоминаешь Родину такую, какой ее ты в детстве увидал.»

«Книга природы есть неисчерпаемый источник познания для человека», — писал Ф. Вольтер. И, чтобы правильно читать эту книгу в действительности, необходима всесторонняя теоретическая подготовка, которая в настоящее время ведется различными про-

светительными формами и методами. Одной из таких форм является живое, убедительное слово лектора-природоведа, лектора-сотрудника природоведческого музея, т. к. музейная лекция от обычной отличается тем, что рассказ сопровождается показом образцов: чучел птиц и зверей, муляжей, фотографий, гербарных образцов растений и т. д.

Сотрудники отдела природы Костромского музея-заповедника в настоящее время читают в городе и области несколько таких специфических лекций. Наиболее популярны темы: «Природа Костромской области и ее охрана», «Охрана рыбных запасов — всенародное дело», «Насекомые — друзья и враги человека», «Полезные ископаемые Костромской области», «За что ставят памятники животным», «Биологическое равновесие и его значение в жизни природы и общества.» И весьма ценно то, что большая часть читаемых лекций построена на материале экспозиции отдела.

Только активный творческий подход к созданию экспозиций, разнообразие форм и методов научно-просветительной работы и, в особенности, природоохранного просвещения, проводимой отделом природы Костромского музея-заповедника, дают основание говорить о нем, как об одном из ведущих в этой области музейного дела.

В. СОБОЛЕВ

КОСТРОМСКОЙ КРЕМЛЬ

Костромской кремль на протяжении веков являлся административным и архитектурным центром Костромы.

Изучением его истории костромские краеведы уже занимались. Наиболее значительными, на наш взгляд, представляются исследования П. Островского и И. Баженова, опубликованные в дореволюционный период.¹ Некоторые сведения по данной теме имеются в работах советских историков-краеведов.²

Однако в документальных фондах Костромских архивохранилищ и, особенно, в документах Государственного архива Костромской области имеется немало ценных и интересных сведений по истории костромского кремля, еще не опубликованных и не изученных. Так, в 1976 г. в фонде Губернской ученой архивной комис-

---

¹ Островский П. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора, Москва, 1855. Баженов И. Костромской кремль, в сб-ке Костромская старина, вып. 6, Кострома, 1906.

² Иванов В. Н., Фехнер М. В., Кострома, Москва, 1955. Белов М. Н., Владимирский Н. Н., Яблокова Н. Н. Кострома, (путеводитель-справочник), Кострома, 1963. Бочков В. Н., Тороп К. Г. Кострома (путеводитель), Ярославль, 1970 и ряд других.

сии было выявлено неизвестное костромским историкам и краеведам описание кремля, составленное в 1679 году, интереснейший документ XVII века.

Существует мнение о том, что уже первоначальное поселение, находившееся на территории теперешней Костромы, имело деревянные укрепления: стены и рвы.

В 1237 году татарские полчища хана Батия, разгромив многие города Владимиро-Суздальской земли, дотла сожгли и Кострому.

После этого город стали заново строить на левом берегу Волги при великом владимирском князе Ярославле Всеволодовиче (1238—1246). У нас есть основания считать, что в 60—70-х годах XIII века было положено основание костромскому кремлю¹ на левой луговой части берега Волги. Это объясняется и тем, что в 1272 году костромской князь Василий Ярославич (последний, девятый, сын Владимирского князя Ярослава Всеволодовича) вступил по праву старшинства на великое Владимирское княжение и в течение пяти лет, до его смерти, Кострома являлась столицей великого княжества. Находился кремль первоначально на берегу реки Сулы (примерно на месте пересечения нынешней улицы Пятицкой с улицей Островского).

Ко второй половине XIV века Костромской кремль стал уже сильной для своего времени крепостью, являлся одним из пограничных форпостов Московского княжества. За стенами его нашел себе надежное укрытие от войск хана Тохтамыша в 1382 году² великий князь Дмитрий Донской с семьей. В 1408 году великий князь московский Василий Дмитриевич скрывался в Костроме от набега хана Эдигея³.

Во время междоусобной войны, которую вел великий московский князь Василий Васильевич с галичским князем Юрием Дмитриевичем в 1433 г.⁴, и позднее, в 1448 г., когда московский князь боролся с князем Дмитрием Шемякой⁵, Кострома, окруженная крепостными стенами, также служила оплотом московскому князю.

Имеются сведения о том, что старый кремль сильно пострадал во время пожара 1413 года. Административный центр Костромы вместе с крепостью стали восстанавливать примерно в 1416 году, но уже на новом, возвышенном месте (в районе теперешнего парка культуры и отдыха). Крепость на возвышенном месте было легче защищать от врагов; кроме того, кремль подняли выше по берегу Волги, который часто затоплялся в весеннее время.

---

¹ «Кремль» старинное русское слово, в летописях впервые употребляется в 1331 году в виде слова «Кремник».

² См. Ермолинскую летопись.

³ Об этом говорится в Московском летописном своде конца XV века.

⁴ См. Никоновскую летопись.

⁵ См. Московский летописный свод конца XV века и Сокращенный свод 1493 года.

И кремль снова не раз играл роль боевой крепости, защищал жителей от врагов. В 1539—1540 гг. город дважды пытались взять татары, но были разбиты костромским ополчением.

В «смутное время» стены кремля выдержали не одну осаду со стороны польских захватчиков. В 1608 году ополченцы русских северных городов загнали интервентов в Ипатьевский монастырь. В июне 1609 году польский воевода Лисовский пришел их выручать с большим отрядом. Костромичи так и не дали переправиться Лисовскому с правого берега Волги на левый, сражая врагов меткой стрельбой из пушек со стен кремля. «И как шли воровские поляки к Костроме, а государевы люди из-за Волги, с Костромского кремля из «большого наряда» (т. е. из пушек) побили их много»¹ — говорится в летописи.

По Костромским писцовым книгам 1628—1630 гг.² можно представить себе облик кремля с большой достоверностью. Костромской кремль состоял первоначально из «старого города», построенного в виде прямоугольника неправильной формы. С трех сторон он был обнесен насыпным земляным валом, концы которого выходили к берегам Волги; на валу стояла деревянная крепостная стена, окружавшая город со всех четырех сторон (то есть и со стороны Волги). Перед валом тянулся глубокий ров, наполненный водой.

По писцовой книге 1628 года общая длина крепостной стены равнялась $514 \frac{1}{4}$ сажени (сажень = 2,13 м). В стене были трое ворот: Спасские, Ильинские и Водяные, и 14 крепостных башен: Спасская, Воскресенская, Ильинская, Борноглебская, Дебринская, Волжская, Вывозная и другие. В книге говорится: «Башни рублены все клетками, бои вводные за город о двух мостах, а меж башней тын острог ставлен без тарасов в борозду, вышина острогу две сажени с полсаженью, под верхом палата с боем и подкатками»³.

Архитектурным центром «старого города» являлась соборная группа, состоявшая из каменных соборов; Успенского и Троицкого, и зданий Крестовоздвиженского монастыря.

В писцовых книгах мы находим подробное описание всей застройки костромского кремля. В «старом городе» имелись три тесных улицы деревянных домов. Невдалеке от Успенского собора стоял воеводский двор, «изба с сеньями съезжая, где сидят воеводы и приказные люди», губная изба⁴ — судебное учреждение, где раз-

---

¹ Баженов И. Костромской кремль в сборнике Костромская старина, вып. 6, Кострома, 1906, с. 99.

² Эти книги находятся на хранении в центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). Большая часть из них была еще в дореволюционное время опубликована академиком А. Ф. Бычковым.

³ Островский П. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855, с. 33.

⁴ Царь Иван Грозный ввел в Костроме земское самоуправление, заменив царских наместников выборными губными старостами.

бирались уголовные дела. Кроме того, имелись караульные избы, тюрьма, четыре «житнецы государевых», «кузница казенная», «дворовое место пушкарское» и другие постройки.

На случай осады в кремле существовал специальный тайник-колодец: «Тайник от воды в город до улицы, длина 13 сажень, поперек в тайнике $2\frac{1}{4}$ сажени, а в дверях $1\frac{1}{2}$ сажени»¹.

Мысль о том, что костромской кремль в XVI в. — начале XVII в. являлся сильной военной крепостью, лишний раз подтверждается тем, что в «старом городе» стояло около двухсот так называемых «осадных дворов». Их хозяева, князья Волконские, Мстиславские, Куракины, Барятинские², бояре Шереметьевы, Салтыковы и другие, жили в Москве, но в случае войны или иной опасности могли найти себе надежное убежище за стенами костромского кремля.

Большинство жителей Костромы жило вне кремля и перебиралось туда только в случае опасности. Но в 1619 году жители Костромы построили «новый город», который крепостными стенами связывался со «старым», примыкая к его северной стороне и вытягиваясь неправильным прямоугольником в северном направлении до реки Сулы (примерно, до нынешней Пятницкой улицы).

В одной из писцовых книг читаем: «А поставлен был тот Новый город для осадного времени в 7127 г.³, а ставили посадские люди собою, а рублен тарасы косяя, как ставится острог лежащий, а около его веден был ров»⁴. В стенах «Нового города» было 6 проезжих ворот и 23 крепостных башни: Никольская, Предтеченская, Сульская, Васильевская, Исаковская, Дмитриевская и другие. В деревянном «новом городе», кроме жилых изб, стояли гостинный двор, торговые лавки и амбары, таможенные избы.

В начале уже указывалось, что в одном из фондов Облгосархива выявлен документ второй половины XVII века, в котором содержатся подробные сведения о Костромском кремле. По этим сведениям, кремль существенно отличается от кремля, описанного в писцовых книгах. Это вполне естественно: данные исторические источники разделяет полвека.

В 1679—1681 гг., при царе Федоре Алексеевиче (старшем брате Петра I) проводилась реформа налогового обложения. Вместо многочисленных мелких сборов вводилась единая подать — явление весьма прогрессивное для того времени. Этой реформе пред-

---

¹ Баженов И. Указ соч., т. 100.

² Островский П. Указ. соч., с. 35.

³ До начала XVIII века на Руси счет времени велся «от сотворения мира»: 7127 год соответствует 1619 году.

⁴ Баженов И. Указ. соч., с. 101.

шествовало валовое описание всех земель государства, городов и сел, проведенное в 1678—1679 гг.¹

Описание Костромы и, в частности, ее Кремля проводилось в сентябре 1679 года, по указу царя Федора Алексеевича, воеводой Андреем Ларионовичем Тушиным и подъячим Григорием Ощиповым. Все описание кремля составляет 12 листов (формат 180××210 мм), сшитых в тетрадь. Листы исписаны с обеих сторон, по черк — характерная скоропись конца XVII века.²

Как передает описание, «старый город» был обнесен рублеными крепостными стенами с бойницами высотой до трех саженей: «Город рубленый, с боями и с катками и покрыт тесом, мерою от земли до зубцов и с обломом три сажени»³. В «старом городе» имелось 13 крепостных башен: Спасская, Ильинская, Вознесенская, Водяная, Тайничная, Чудовская, Предтеченская и другие.

Воевода и подъячий дают подробное описание каждой башне, например: «Башня Ильинская с проезжими воротами о шести стенах с караульным чердаком, ширина башни 4 сажени с полсаженью, вверх от земли до зубцов и с обломом 6 сажен с $\frac{1}{4}$. От зубцов до караульного чердака 2 сажени. Да против же Ильинских ворот с башней через ров мост 16 сажен с $\frac{1}{2}$ в длину, а поперек 4 сажени и тот мост в нынешнем в 186 году починен уездными людьми»⁴.

Башни в Кремле стояли шестистенные или восьмистенные, шириной от четырех до шести саженей, высота их достигала шести саженей. Три башни имели проезжие ворота: от Спасской дорога вела к Ипатьевскому монастырю, от Ильинской лежал путь на Галич, от Водяной — к Волге. Пять башен имели караульные чердаки.

Один из «осадных дворов» в то время принадлежал царской фамилии. Видимо, при царском дворе имелся небольшой искусственный водоем для рыбы: «Из того тайного колодца идет вода в две трубы великого Государя в рыбный сад, а кругом того саду идет в реку Волгу»⁵. Длина крепостных стен «старого кремля города» по мере кругом в пряслах и башнях 549 сажен с полсаженью»⁶ (т. е. около 1,170 м).

По описанию 1679 года, «новый город» окружен стеной с 12 башнями (в то время как по описанию в писцовых книгах 1628—

¹ Буганов В. И. Канцлер предпетровской поры. Вопросы истории, 1971, № 10, с. 147.

² Государственный Архив Костромской области. (ГАКО), ф. 179, оп. 3, д. 122.

³ ГАКО, ф. 179, оп. 3, д. 122, л. 2.

⁴ Там же, л. 3.

⁵ Там же, л. 4.

⁶ Там же, л. 7, об.

1630 гг, в «новом городе» имелось 23 башни): Никольская, Предтеченская, Настасьинская, Рождественская, Благовещенская и другие. Имеется также подробное описание каждой башни: «Башня Никольская, с проезжими воротами и с караульным чердаком о 6 стенах. Ширина башни 6 сажен с полсаженью вверх от земли до зубцов и с обломами 7 сажен с полсаженью. Шатер от зубцов до караульного чердака 5 сажен с полсаженью. Да подле той башни сделана спускная труба для вешней воды. Да у той башни изба караульная»¹.

В «новом городе» стояло 4 башни с проезжими воротами, 6 башен с «караульными чердаками» и 6 так называемых «глухих» башен. «Нового города по мере кругом в пряслах 610 сажен»² (т. е. длина стен составляла около 1.300 м — В. С.).

В документе имеются ценные сведения о состоянии «городового наряда» (т. е. вооружения) Кремля: «По указу великого государя и грамоте из Пушкарского приказу стольник и воевода городового наряд досматривал, и перевешивал, сколько в которой пищали весу пуд, и что мерою коя пищаль, и что которой ядер, и по скольку гривенок ядро»³. В наличии имелось 43 различных пищали (пушки). Среди них «пищаль железная кованая длиной 5 аршин (аршин=71 см), весом 36 пудов», «пищаль медная, по подписи «Кашевар» длиной 3 аршина с вершком, весом 24 пуда», восемь пищалей «Волконеек»⁴ железных весом по 4 пуда, «четыренадцать стволов затинных»⁵ железных и другое оружие.

Девять пушек были установлены на караульных чердаках воротных башен «старого города», много оружия находилось на соборной площади.

По результатам осмотра боевого снаряжения царские чиновники сделали вывод: «А тот городового наряд медные и железные пищали к стрельбе годятся». Но в то же время с большой осторожностью добавили: «И изнутри все ли они в целости ль того не ведомо»⁶.

Вооружение на случай войны имелось и у жителей Костромы. «Да у Костромского посадского люда городового наряду — 15 пищалей «Волконеек», 25 пищалей затинных и 136 мушкетов». Царские служители обследовали и запасы пороха и свинца: «И в старом городе зеленый каменный погреб, крытый драпьем. Двери у него железные и у окон решетки... В погребе зелья ручного и пушечного было десять бочек. Весом того пороха и с деревом 89 пу-

¹ ГАКО, ф. 179, оп. 3, д. 122, л. 5.

² Там же, л. 7 об.

³ Там же, лл. 7, об. — 8.

⁴ Видимо, от французского слова «фальконет».

⁵ Затин — место, где устанавливались пушки, барьер.

⁶ ГАКО, ф. 179, оп. 3, д. 122, л. 9.

дов... и в Соборной церкви свинцу сорок пудов и две четверти семь гривенок»¹.

Сведения, содержащиеся в описании Костромского кремля 1679 года, позволяют сделать вывод о том, что даже в XVI — начале XVII в. он являлся сильной для своего времени военной крепостью.

Но неоспоримо и то, что к концу XVII в. Кострома уже теряет свое значение боевой крепости и пограничного форпоста Москвы. Это объясняется тем, что Россия к этому времени уже значительно окрепла как централизованное государство, новые границы ее пролегли на большом расстоянии от центра страны и были укреплены другими крепостями. Правительство к 70-м годам XVII века перестало выделять средства на укрепление и содержание костромского кремля, посчитав, что эта крепость утратила для России свое оборонное значение.

В описании 1679 года мы находим убедительные примеры, подтверждающие этот вывод: на некоторых крепостных башнях сломало ветром и бурями караульные чердаки и их уже никто не стал чинить; у Водяной башни «труба спускная засыпалась землею». Про колодец-тайник сказано: «Да тот тайник сгнил, потолок и стены рушатся». У четырнадцати затинных стволов, входивших в «большой наряд», «замков и ядер нет».

Со второй половины XVII века в Костроме постоянно уменьшается и военный гарнизон: в 1616 году в «старом городе» был воевода, а с ним «дворян да детей боярских» 37 человек, 100 стрельцов, «да всякие жилецкие люди»². Имеются сведения о том, что в 1631 году гарнизон состоял уже из одного сотника, 50 стрельцов, 13 пушкарей, 3 воротников. А сметные книги 1686 года сообщают лишь о 24-х стрельцах.

Зато к 80-м годам XVII века в Костроме значительно выросло количество чиновников и других представителей «городовой службы»³. По сметным книгам 1686 года в городе «правили государеву службу» 16 подьячих, 41 площадный дяк, 31 пристав — и никто из них не имел отношения к укреплению боеспособности кремля.

Шли годы. Костромской кремль изменял свой облик, планировку расположения строений и крепостных сооружений. Он страдал от пожаров, которые уничтожали не только деревянные постройки, но и немногочисленные каменные здания. Так, в 1654 году обгорел Успенский собор, сгорели и «осадный двор» царской семьи и монастырские дворы. В 1678 году сгорели келья Крестовоздвиженского монастыря.

¹ ГАКО, ф. 179, оп. 3, д. 122, лл. 9—9 об.

² «Жилецкие люди» — это также представители «служилого сословия», получавшие деньги за службу из казны: пушкарки, воротники, сторожа и другие.

³ К концу XVII века укрепилась абсолютистская монархия в России, вырос бюрократический аппарат, на политической арене страны все большую роль стало играть дворянство.

Катастрофическим оказался пожар 1773 года, во время которого сгорели все деревянные постройки и крепостные сооружения и «старого города» и «нового города», снова обгорел Успенский собор, сгорело 5 приходских церквей, лавки, амбары, а также множество жилых домов на посаде.¹

П. Островский писал в 1855 году: «Успенский собор потерял все свои сокровища и в замен ... приобрел себе полный простор в Кремле², оставшись в нем единственным зданием.»

После пожара генеральный план застройки Костромы был утвержден правительством в 1781 году. По этому плану все частное строительство на месте бывшего кремля запрещалось.

В 1814 году были сняты с крепостных валов³ последние пушки, а в 1817 г. по распоряжению губернатора были срыты и сами крепостные валы вокруг бывшего кремля.

За 8 веков Кострома накопила много замечательных боевых и трудовых традиций. Эти традиции надо глубоко и всесторонне изучать.

В. АЛЕКСЕЕВ

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КОСТРОМЫ В 50-Х ГОДАХ XIX В.

В 1869 году в газете «Костромские губернские ведомости» была напечатана статья Ф. Нерехтского «Праздник костромских пароходоладельцев», в которой дана весьма любопытная характеристика торгово-промышленного развития Костромы в 50-х годах XIX века. Автор отмечал, что «торговая и промышленная деятельность Костромы до последней половины настоящего столетия была самая незавидная... По общему отзыву тогдашних костромичей эта бедность и упадок промышленности происходили от близости к Костроме величайших торговых рынков России, Рыбинска и Нижнего Новгорода, а также богатого Ярославля, в котором купечество имело большие капиталы и вело торговлю в огромных размерах...»⁴. Однако, по его мнению, не это лежало в основе «бедности»: «Кострома спала летаргическим сном от недостатка деятелей». И далее: «Первый, кто разгадал эту печальную истину и дал первый толчок спавшей промышленности Костромы, был подполковник Дмитрий Павлович Шипов, устроивший... в Костроме чугуно-литейный и механический завод».

¹ Лукомский В. К., Лукомский Г. К. Кострома, Спб, 1913, с. 25.

² Островский П. Указ. соч., с. 4.

³ Часть пушек перенесли на другое возвышенное место города — Муравьевку, где они находились до середины XIX века, недалеко от дома губернатора. Еще в 40-х годах XIX века из этих пушек во время праздников проводились салюты.

⁴ Костромские губернские ведомости (далее КГВ), 1869, неоф. № 6.

В известной степени автор статьи прав. Действительно, только в 50-х годах в Костроме открылось несколько крупных предприятий фабричного типа. Появление этих предприятий не было случайным и, конечно, объяснялось не только активной деятельностью отдельных предпринимателей, как писал Ф. Нерехтский. Оно было обусловлено проходившим в России промышленным переворотом, который особенно интенсивно проходил в текстильной промышленности, в первую очередь, в хлопчатобумажной. Медленнее он развивался в льняной промышленности, которая испытывала последствия недавнего кризиса.¹ Однако, постепенно преодолевая их, льняная промышленность возрождалась уже в иной, более прогрессивной форме, какой являлось крупное фабричное производство.² Примечательно, что наиболее успешно развивалось льнопрядильное и связанное с ним льноприготовительное производство, в которых промышленный переворот начался раньше, чем в льноткацком производстве. В Костромской губернии одной из первых в таком роде открылась в 1854 году льноприготовительная фабрика торгового дома «Товарищество Зворыкиных в Костроме». Учредители торгового дома муромские купцы Н. А. и В. В. Зворыкины³ по уставу определили капитал товарищества в сумме 42 тыс. руб. сер.⁴ Фабрику они оборудовали машинами бельгийского производства, приготовленный лен сбывали на льнопрядильные предприятия за пределами Костромской губернии⁵.

В 1853 году купцы А. В. Брюханов и А. А. Зотов учредили торговый дом для строительства в Костроме льнопрядильной фабрики⁶. В 1855 году в их товарищество вошел любимый купец И. С. Михин. По новому уставу капитал торгового дома под фирмой «Торговый дом Брюханова, Зотова, Михина» составил 172,5 тыс. руб. сер.⁷ Фабрика торгового дома, построенная и пущенная в ход в 1854 году, имела две паровые машины английского и бельгийского производства мощностью 40 и 15 л. с.⁸ Для прядильного производства машины закупились за границей; несколько

¹ Кризис полотняного производства привел к закрытию полотняных мануфактур, в первую очередь посессионных. В их числе были полотняные мануфактуры С. Г. Угличанинова, А. И. Дурыгиной, находившихся в Костроме. Из старых полотняных мануфактур в городе сохранилась мануфактура купца И. В. Колодкина.

² Дюбек Е. Основные черты в развитии крупной промышленности в Костромской губернии в пореформенное время. В кн.: Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 1. Кострома, 1914, с. 99.

³ Государственный архив Костромской области (далее ГАКО), ф. 497, оп. 2, д. 2027, л. 2.

⁴ Там же, л. 4.

⁵ Фабрика существовала несколько лет. Затем, после смерти Н. А. Зворыкина, она была закрыта.

⁶ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 2063, л. 1.

⁷ Там же, л. 5.

⁸ Те-ов М. Заметки о Костромской губернии. — Вестник промышленности, 1860, № 9, с. 208.

единиц оборудования изготовил Костромской механический завод Д. П. Шипова. Кроме льнопрядильного, на фабрике работало и ткацкое отделение, оснащенное механическими ткацкими станками¹. Необходимое для фабрики сырье, в первую очередь лен, покупалось в Костроме, а также в уездах Костромской, Ярославской, Вологодской губерний. Пряжа сбывалась в Костромской и соседней с нею Владимирской губерниях, в частности, в городах Муроме и Вязниках, крупных центрах полотняного производства².

В 1859 году А. А. Зотов, выбывший из членов торгового дома, вместе с братом К. А. Зотовым открыл в Костроме собственную льнопрядильную фабрику³, оборудованную паровой машиной бельгийского производства в 60 л. с. Прядильные машины владельцы фабрики выписали из Англии. Необходимый для фабрики лен закупался в разных местах Костромской, Ярославской, Владимирской губерний. Пряжа сбывалась на Ростовской и Нижегородской ярмарках, а также непосредственно по ткацким фабрикам⁴. После выхода А. А. Зотова из членов товарищества «Торговый дом компании Брюханова, Зотова, Михина», вероятно, распался. Однако, принадлежавшая ему льнопрядильная фабрика продолжала действовать, увеличивая производство. По данным, опубликованным к промышленной выставке 1861 года, на фабрике, оборудованной паровыми машинами общей мощностью 80 л. с., в 1860 году было произведено 40 тыс. пудов пряжи⁵.

Как известно, на первые фабрики машины выписывались из-за границы, в частности, из Англии. По мере развития производства спрос на прядильные машины, ткацкие станки, а также на паровые двигатели возрастал. В связи с этим возникла необходимость в отечественном машиностроении. В числе первых в России построил чугунолитейный и механический завод Д. П. Шипов⁶. Датой основания завода считается 1852 год⁷.

---

¹ КГВ, 1857, ч. неоф., № 11.

² Материалы для статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, т. 12. Костромская губерния сост. Я. Крживоблоцкий, Спб, 1861, с. 362.

³ ГАКО, ф. 497, оп. 2, д. 2224, л. 1.

⁴ Те-ов М. Заметки о Костромской губернии. — Вестник промышленности, 1860, № 9, с. 208.

⁵ Статистические сведения фабрик и заводов экспонатов, получивших награды на мануфактурной выставке 1861 года. Спб, 1862.

⁶ Шипов Д. П. происходил из старинной дворянской семьи, которая имела земли в Костромской и в некоторых других губерниях. Потомственные дворяне — Д. П. Шипов, а также его братья А. П. и Н. П. Шиповы были крупными предпринимателями. Шиповы были владельцами горных, чугунолитейных, механических заводов, им принадлежал химический завод, другие промышленные предприятия. Им же принадлежала инициатива строительства Московско-Сергиевской железной дороги.

⁷ Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома, 1862, с. 368.

Первоначально на заводе изготовлялись медные ситцепечатные валы и другие приспособления для текстильного производства. Однако вскоре завод перешел к выпуску паровых машин, а затем и пароходов¹. В конце 50-х годов на заводе Д. П. Шипова уже действовало три паровые машины в 32 л. с. и один локомобиль в 8 л. с., а производительность завода составляла 662 тыс. руб. сер².

Особой известностью пользовались построенные здесь пароходы, снабженные машинами и механизмами собственного производства, которые ни в чем не уступали иностранным. К началу 60-х годов завод по заказам крупных купцов и промышленников построил более двадцати пароходов³. Кроме пароходов, на заводе изготовлялись паровые машины и котлы, оборудование для мукомольных и маслобойных мельниц, лесопильных заводов и т. п. Продукция завода сбывалась в Костромской, Владимирской и Ярославской губерниях, а также в Москве и в других городах.

Кроме текстильных фабрик и механического завода в Костроме в рассматриваемый период существовало еще одно крупное предприятие — табачная фабрика купца И. Н. Чумакова, основанная в 1841 году⁴. В 1853 году с целью расширения производства И. Н. Чумаков вместе со своими братьями учредил торговый дом под фирмой «Братья И. и М. Чумаковы»⁵. В качестве сырья на фабрике использовался листовой табак, который привозился из Черниговской и Полтавской губерний. Готовый табак сбывался в Костроме, а также на Ростовской, Нижегородской, Макарьевской ярмарках. При 50 рабочих годовая производительность фабрики достигла 50 тыс. руб. сер.⁶

Таким образом, в 50-е годы XIX в. крупная фабрично-заводская промышленность Костромы находилась на стадии формирования: появились первые фабричные предприятия, в основном текстильные, которые во многом и надолго определили отраслевую структуру промышленности города. Но и механический завод впоследствии стал крупнейшим машиностроительным заводом на Волге. Наряду с предприятиями, находившимися в собственности отдельных предпринимателей, в Костроме появились и акционерные предприятия в виде торговых домов, в которых объединялись капиталы нескольких предпринимателей. В дальнейшем в пореформенный период акционерная форма промышленного предпринимательства стала ведущей в промышленности города.

---

¹ КГВ, 1863, ч. неоф., № 27.

² Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома, 1862, с. 368.

³ КГВ, 1861, ч. неоф. № 44.

⁴ Там же.

⁵ ГАКО, ф. 133, оп. 15 д. 1132, л. 1.

⁶ Материалы для статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, т. 12, Костромская губерния, сост. Я. Крживоблоцкий, Спб, 1861, с. 378.

Колокололитейное искусство — одно из древних на Руси: есть сведения о литье колоколов русскими мастерами еще в XII веке. Колокола являлись неотъемлемой частью быта русского народа с древних времен: они возвещали о стихийных бедствиях, нападениях неприятеля и о победе над ним. Колокольный звон как бы отражал состояние души народа. История сохранила немало легенд о чудесных колоколах.

Благоговейное отношение к ним безусловно объяснялось и религиозностью, сформированной на протяжении столетий. О том, как воспринимались колокола и колокольный звон верующими людьми, можно судить по легендам, обрядам, приметам, надписям на самих колоколах. Например, на одном из колоколов Богоявленского монастыря Костромы была надпись: «Сей вестник в церковь созывает великим гласом чародея. Он волю бога возглашает без слов, но громко всем поя.»

В народном сознании существовало и представление о колоколе как об одушевленном существе, являющемся провозвестником воли бога, и даже исполнителем ее, способном оградить от засухи, грозы и прочих бедствий. Об этом говорит не только содержание надписей, но и своеобразный отряд жертвоприношения в момент подъема нового колокола: народ приносил в дар «навины»¹ и домотканые нарядные полотна. Ими украшались веревки, на которых поднимали колокол.

Почтительное отношение к колоколам было связано и с трудоемкостью их изготовления.

Хотя русские сами издревле владели секретами литейного мастерства, тем не менее они привозили колокола и из-за границы (Германия, Голландия). В некоторых костромских церквях и монастырях находились голландские колокола XVII века работы знаменитого завода Костера. Такой 44 пудовый колокол с надписью: «Слава единому богу. Сделал Аскер Костер. Амстердам. 1631 г.» был помещен в церкви Воскресения г. Солигалича.

Среди отечественных колоколов славилась московские. Они отличались высоким качеством звука, изяществом орнамента, значительными размерами. Показательными в этом отношении были колокола Ипатьевского монастыря. Упоминания о них впервые встречаются в монастырской описи 1584 года. Среди строений названа «...колокольница каменная. А на колокольнице колокол Благоверный. А дал его в дом живоначальная Троицы Борис Федоро-

---

¹ «Навины» — бслая, домотканая ткань.

вич Годунов. Да старый колокол Благоверный, да девять колоколов всяких... боевые с перечасьем...»

Значит, в XVI веке Ипатьевский монастырь имел 11 колоколов и часы боевые с перечасьем. В конце XVI века Годуновы, стремясь к власти, заботятся о богатстве монастыря, служившего доказательством их родovitости, так как по легенде основателем его был предок рода Годуновых. В числе «годуновских» колоколов известны шестисотпудовый, данный матерью Бориса Годунова, монахиней Сандулией, и 172-пудовый, вылитый в 1603 году и подаренный Иваном Ивановичем Годуновым.

Но наибольший интерес среди них представлял колокол, изготовленный в 1647 году московским мастером Данилой Матвеевым по завещанию Алексея Никитича Годунова. Весил колокол 600 пудов. Его создатель знал все секреты колокольного дела: в 1654 году именно ему поручили отливку колокола-гиганта в 10 тысяч пудов (Алексеевский колокол).

В XVII столетии количество колоколов в Ипатьевском монастыре возросло до восемнадцати. Для них на средства Алексея Никитича Годунова к прежней звоннице пристроили колокольную с шатровым завершением.

В конце XVII века в период петровских преобразований и подготовки к Северной войне несколько колоколов потребовалось на переплавку «для ратного дела». В исторической литературе середины XIX века есть ссылки на монастырские бумаги, свидетельствующие об отправке в Москву в 1693, 1699 и 1700 гг. четвертой части колоколов. Указ, однако, не распространился на Годуновские колокола. Они оставались на звоннице до начала XX века.

В 1925 году сотрудники Костромского областного музея обследовали колокола и приняли решение сохранить из шестнадцати лишь четыре, имеющие художественно-историческую ценность: часовой — 1561 г., второй — литья 1647 г. и два — литья 1668 г. Остальные были сданы в Госпромцветмет. Средства, полученные за сдачу колоколов (60 процентов) пошли на содержание, ремонт и охрану исторических памятников.

С конца XVIII века в Костромской губернии стали отливать свои колокола. Занимались этим завод Федора Колокольниковца и завод Алексея Синцова. Нам удалось установить, что завод Синцова начал работу в 1789 году. Владелец его — чебоксарский купец III гильдии; в Костроме, видимо, он нашел наиболее благоприятные условия для производства и торговли. На костромском рынке изобиловали медь, олово, кирпич, необходимые в колоколотейном деле, а в губернии стояло огромное число церквей и монастырей, которые нуждались в такой продукции.

Это, видимо, и заставило перебраться А. Г. Синцова в Кострому. В 1796 году указом наместнического правления он был переведен в костромское купечество. Завод А. Г. Синцова выпускал

колокола и медную посуду. В 1800 году он произвел 500 пудов колоколов и 50 пудов медной посуды. В последующие годы завод увеличивал выпуск своей продукции. Она распродавалась на Макарьевской и Ростовской ярмарках, «до 30.000 пудов... к Санкт-Петербургскому порту отпущается водной коммуникациею...» — говорится в одном из документов тех лет.

В 1810 году в Костроме же для кафедрального Успенского собора во Владимире был изготовлен колокол весом в 500 пудов 8 фунтов.

В середине XIX века в городе, кроме двух названных, работал завод Ивана Васильевича Полякова — юрьеvecкого купца. Один из колоколов этого завода в 158 пудов находился на звоннице Бого-явленского монастыря.

В конце XIX века предприимчивый купец П гильдии Сератеон Николаевич Забенкин открыл новый колокольный завод. Колокола завода С. Н. Забенкина неоднократно демонстрировались на выставках, получая высокую оценку; завод заслужил шесть медалей. В 1903—1904 гг. о нем похвально отозвалась Первая Международная выставка в Санкт-Петербурге, а во время торжеств по случаю 300-летия царствования династии Романовых 36 пудовый колокол завода Юзьева преподнесли Николаю II.

Но одни Костромские заводы не могли удовлетворять спрос на колокола, поэтому их по-прежнему заказывали в Москве, Ярославле и других городах. В Ярославле работал огромный завод «Товарищества П. И. Оловянишников и Сыновья», первая продукция которого вышла еще в 1766 году. Завод впоследствии успешно участвовал в международных выставках (Париж 1889 г., Чикаго 1893 г. и др.).

Ярославские колокола украшали колокольни многих церквей, оглашая окрестности мелодичным звоном. Шесть колоколов этого завода висели в церкви села Малое Анфимово нынешнего Парфеньевского района Костромской области. В конце 50-х гг. XX века их вывезли и подняли на звонницу Ипатьевского монастыря. Самый большой из колоколов весит 122 пуда 2 фунта. На нем имеются литые надписи и изображения. Надпись, расположенная на верхнем поясу, гласит: «Благовестуй земле радость великую. Хвалите небеса Божию Славу»; по нижнему поясу означено: «Лит в заводе Торгового дома потомственного гражданина П. И. Оловянишникова и Сыновья в Ярославле». Второй, орнаментированный, колокол в 32 пуда 2 фунта, остальные — меньших размеров.

Колокола, находящиеся на звоннице Ипатьевского монастыря и сохранившиеся в ряде районов области, являются бесценными памятниками техники. Они дают представление о совершенстве русского литья, являются показателем экономического развития Костромского края.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Белов. На высшем этапе революции	4
В. Соболев. Из истории Советского строительства в Верхнем Поволжье в первые месяцы революции (По материалам Ивановской, Костромской, Ярославской губерний)	8
В. Гусев. К вопросу о введении Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви в Костромской губернии (1918—1922)	13
М. Лапшина. Соратники В. И. Ленина на Костромской земле (Н. Л. Мещеряков и А. В. Луначарский)	18
С. Павлова. Костромские газеты как источник по истории первых революционных преобразований в крае	23
Н. Яблокова. В. А. Гиляровский и Костромской край (1874—1902)	27
С. Масалева. Производство гончарных изделий в Костромском крае	30
А. Шипилов. Из истории создания и деятельности Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) (1912—1917)	35
Е. Флейман. Некоторые вопросы становления и развития костромского краеведения в первые годы Советской власти (1917—1924)	40
Е. Ершов, Р. Попова. Опыт пропаганды естественно-научных знаний отделом природы Костромского музея-заповедника	46
В. Соболев. Костромской кремль	50
В. Алексеев. К вопросу о формировании крупной промышленности Костромы в 50-х годах XIX в.	57
О. Головкина. Колокола и колоколотейное мастерство в нашем крае	61

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК III

Редактор Б. В. Гусев

Художественный редактор Н. Н. Миролубов

Технический редактор Т. Н. Яковлева

Корректор В. А. Кичигина

ИБ № 723

Сдано в набор 25.11.82. Подписано в печать 19.01.83. АК 00514. Формат 60×84/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. кр.-отт. 4,12. Усл. п. л. 3,72. Уч.-пзд. л. 4,32. Тираж 2000. Заказ 2468.

Цена 15 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
г. Ярославль 150000, ул. Трефолева, 12.

Типография № 2 Росглавполиграфпрома, 152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

15 коп.

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1983